

ЛИСА ЭСТЕРН

Видеи своего мужа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лиса Эстерн

Выбери своего злодея

<https://litres.ru/73235168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера хотела найти любовь, но с ней всегда было что-то не так. Она отличалась от знакомых, от сестры и в целом от идеальной картинки, которую можно любить: слишком шумная, яркая и внешность не самая идеальная - ее всегда было слишком много. Но вот однажды она просыпается в постели незнакомца и не помнит, как в ней оказалась, в ужасе сбегает, а потом встречается с этим парнем на работе. Он улыбается, когда обещает испортить ей жизнь.

Кто он и почему примерил роль Злодея в ее истории? Дело ли в том, что он и правда плохой человек или в призраке, что преследует его ночами? Кем станут они друг другу в погоне за желаемым — спасением или жестоким наказанием?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Любитель кактусов	11
Глава 2. Совпадения – тоже закономерность	33
Глава 3. Ты исполнишь мое желание?	54
Глава 4. Злодей	77
Глава 5. Цифровое ведьмовство	93
Глава 6. Эти ваши семейные ужины	103
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лиса Эстерн

Выбери своего злодея

Предупреждение

В книге упоминаются психологические травмы, элементы депрессии, тревожного расстройства, самоповреждения и сексуального насилия.

Будьте осторожны.

Пролог

«Кажется, я люблю тебя».

Все началось с одной записки.

Это был октябрь или ноябрь. Уже было достаточно холодно, чтобы душиться шарфом и спешить поскорее спрятаться в автобусе. Там всегда задыхаешься от жара салона, а после, весь вспотев, выходишь на улицу и мерзнешь еще сильнее после.

На улице постоянно сумрачно. Зрение то и дело подводило: картинка мазалась, теряя четкость, а свет фонарей выравнивал детали, делая их безликими. Пахло увяданием, грядущим запустением и стывшим воздухом – как в могиле. В его собственной могиле души, куда сыпали гравий и холодную землю.

Его жизнь рушилась. Последние несколько месяцев он ничего не мог контролировать, а только терял, терял, терял... Как глупый слабый ребенок он пытался удержать рассыпающуюся реальность, заново слепить мир, в котором вырос, но только резал пальцы и терял фрагменты. Начиная с весны прошлого года, когда все окончательно покатилося по наклонной, он только и делал, что падал в пучину буйных чувств, уничтожающих его изнутри.

«Кажется, я люблю тебя».

Парень нашел записку в своей тетрадке по алгебре, где

обычно ничего сносного найти не получалось. Раньше, до всего, у него не было времени на учебу, а теперь его стало вдоволь, только стараться желания никакого. Со скуки он открыл треклятую тетрадку, где его ждал клочок бумаги. Маленькие бледные буквы смеялись над ним, усиливая преследующую его боль в колене.

«Кажется, я люблю тебя».

Боль вспыхнула с такой силой, что лишила разума. Она мучила его почти каждый день. Слишком долго стоял, много ходил, неправильно сидел – она тут как тут. Полные сожаления и отчаяния мысли, жужжащие в голове, только усиливали, как эхо, эту невыносимую тянущую боль. Она вытягивала из него все терпение, добро и свет.

«Кажется, я люблю тебя».

Он возненавидел ее в ту же секунду, с такой отчаянной, голодной ненавистью, на которую только был способен разбитый, потерянный и отчаянный человек. Ему всего пятнадцать, а уже мир казался вокруг невероятно жестоким и сложным.

Все началось с этих слов. Его падение и отчаяние. Его конец

Парень позволил себе делать ужасные вещи, потому что видел в ней виновницу своих проблем и болей. Ее круглое светлое личико с уродливой родинкой под правым глазом преследовало его днем и ночью. Визгливый голос звучал везде, где бы он ни шел: в коридоре, потому что она была де-

журной и вечно отчитывала малышню; в классе, когда она громко с краснеющими щеками отвечала на вопросы; под сенью голых веток, когда она плакала из-за него.

«Кажется, я люблю тебя».

Парень заставлял девчонку плакать так часто и так много, что, вероятно, где-то налилось целое море, образовался бездонный океан. Злоба его была слепой и голодной – питалась чистыми и искренними чувствами девчонки, которая, несмотря на издевки Сиреневской и его собственные, продолжала тянуться к нему, потерянному мальчишке.

– Я вижу, знаю... – шептала она разбитыми губами, с глазами, как безоблачное небо. Кристальные, блестящие. Слезы в них стояли всегда. Наполняли, как озеро вода. – Знаю, как тебе больно и тяжело. Я не злюсь. Все хорошо.

– Правда, что ли? Сиреневская мне тут несколько фоток прислала, – с ядовитым, мучительным и от того таким сладким удовольствием произнес он. Это была жуткая и пугающая смесь между отвращением и наслаждением, словно каждое слово обрекало его на гибель, на мрак и отчаяние, а он с особым жаром повторял их, уничтожая кого-то. Кого-то, кого он ненавидел больше всех. – Ты такая тупица, Ромашка. Жалкая и мерзкая. Смотреть – слезы лить.

Тогда у него все было из рук вон плохо, и все, что он мог, – сделать кому-то другому еще хуже. Кому-то, кто был слабее, кто был готов принять это зло с жалкой, но чистой улыбкой на губах.

Это был последний его год здесь. Родители развелись с помпезным скандалом и перетягиванием парня из стороны в сторону. В голове так и застыли серое уродливое лицо истеричной матери и красное квадратное лицо отца, полное презрения и брезгливого отвращения. Там же его преследовал образ Сиреневской, с ее с пустыми глазами, в которых разверзлась пропасть. Парень не хотел знать о ней такую правду – она его пугала, ведь что он мог сделать ее отчиму? Решительно ничего.

А тут еще эта Ромашка и ее записка.

«Кажется, я люблю тебя».

Это было слишком.

Ему нужно было сбежать, исчезнуть...

– Не уходи! Пожалуйста... подожди меня!

Этот голос всегда раздражал его до помешательства.

– Нам надо поговорить. Неужели ты не понимаешь, что так не может продолжаться? – Визгливый голос задрожал. Девчонка всхлипнула, споткнувшись и чуть не растянувшись на грязном асфальте. – Я так больше не могу. Что мне сделать, чтобы ты остановился? Как помочь тебе?..

Имя. Его собственное имя слетело с языка и прострелило насквозь. Он почти запнулся, ощутив себя так, словно его напшиговали иглами. Гнев вспыхнул с новой силой. Это была целая буря эмоций, понять которые невозможно. Весь этот гнилой мир уже в печенках у него сидел, а она!.. Она была навязчивой, шумной, сопливой и такой жалкой, что лю-

бому уважающему себя задире было бы больно тратить на нее время.

Парень остановился, резко обернулся и рявкнул:

– Сгинь! Просто исчезни!

Девчонка отшатнулась с таким напуганным и бледным, несмотря на слезы и сопли, лицом, что ему вдруг сделалось невыносимо жарко от прилившего к вискам гнева. Заштормило, замутило – хотелось разбить лицо парочке раздолбаев с параллели, достать кого-нибудь. Обычно его мишенью была именно она, но сегодня даже смотреть на нее не хотелось, не то что марать руки. Растрепанная, Ромашка где-то посеяла свою шапку – Сиреневская умыкнула? – с рюкзаком, испачканным чем-то липким, с разбитой губой и потекшей тушью – жалкое зрелище. Но глаза! Они яркие, как фонари. Даже в сумраке угасающего весеннего дня пробивали насквозь, до холодного пота.

Как же он ее ненавидел. Каждую частичку лица.

– Я все вытерплю, – жалобно простонала она. – Я все понимаю. Прошел всего год с той травмы...

– Заткнись! Ты ни черта не понимаешь! – Больше парень не мог себя сдерживать и подлетел к ней с такой скоростью, что травмированное колено дало о себе знать яростной болью. Толчок – девчонка чуть не рухнула в лужу. – Тебя мало Сиреневская лупасит? Девчонки шпыняют? Не хватает, чтобы и я тебе лицо раскрасил? Что ты не понимаешь в слове «от-ва-ли»? Ты такая жалкая, на лице написано: «Затравите

меня»! Сама же нарываешься. Убирайся с глаз моих!

Она жалобно протянула его имя. Каждый раз – как ток, как гвоздь в солнечное сплетение.

– Пошла прочь! Исчезни из моей жизни!

Короткие, намокшие от слез волосы цвета пшеницы взметнулись, когда девчонка толкнула его в ответ – сильно, со злостью. Впервые на его памяти.

Испугалась. Глаза сделались широкими, бездонно голубыми, кристально блестящими из-за слез. Чистейшими, искренними. В них было слишком много сложных чувств, которые мальчишка шестнадцати лет понять не мог. В нем самом жило их не меньше и почти все, кроме злости, порицались и отвергались. Осталась только ненависть.

– Ладно, – тихо произнесла она. – Я тебя поняла.

И Ромашка ушла. Исчезла по-настоящему. Исчезла так, как разорванные лепестки ромашек уносятся ветром. Раз – и ее нет.

А слова все звучали эхом где-то во мраке его озлобленной души.

«Кажется, я люблю тебя».

Глава 1. Любитель кактусов

Один умный человек сказал, что одиночество как состояние – не поддается лечению. Хотелось ответить ему, чтобы он катился куда подальше со своими умными словами.

– Просто охренеть! И что мне теперь с этим делать? – Лера раздосадованно вздохнула и отпила молочный коктейль с клубникой – такой сладкий, что скулы сводило, но ей нравилось. – Я, конечно, люблю собак и все такое, но чтобы состариться в обществе четвероногих... Это меня не устраивает!

– Искать кого-то только для того, чтобы этот кто-то заполнил пустоту в душе – плохая идея.

– А я обожаю плохие идеи!

Сабина закатила глаза и постучала пальцем по высокому пластиковому стакану, на котором было выведено черным фломастером «Сабрина». В очередной раз ее не так поняли и решили, что ослышались, поэтому добавили в имя злополучную букву «р». Теперь перед Лерой сидела не ее подруга Сабина с непростым нравом и колючим языком, знающим все прозвища чужих мам в видеоиграх, а Сабрина, ведьма, готовая проклясть ее до пятого колена за то, что та вытащила интровертку из дома. Она любила свое имя, но люди так часто извращали его, что в какой-то момент подруга смирилась с «Сабриной – маленькой ведьмой» и сделала это имя своим вторым в социальных сетях и игровых аккаунтах. «Если не

можешь победить врага – тогда возглавь его!» – с усмешкой объяснила она, и по мнению Леры, это имя больше отображало ее суть.

– Именно поэтому мы сидим здесь и пьем невкусные и при этом дорогие, как крыло от боинга, молочные коктейли вместо того, чтобы, не знаю, – Сабина пожала плечами, – пойти в зал, где куча парней. Даже могут быть красивые.

Лера фыркнула и сделала новый глоток – такой большой, что молоко чуть носом не пошло.

«С тобой и в зал, ага, расскажи мне тут», – бурчали мысли в голове, но сказала Лера другое:

– Все они только о протеине и железках думают.

– Тогда в клуб?

– И не начинай! Я до этого не опускаюсь.

– Тогда... – Сабина откинулась на спинку стула и вскинула руки. – Ты сама себе противоречишь! Говоришь, что не хочешь всей этой ванильной романтики и отношений, потому что это запарно, но при этом регулярно ходишь с этими додиками на свидания. Нормальные парни не сидят на сайтах знакомств. Твои маневры с самого начала были обречены.

Провокационное и крайне раздражающее обвинение Сабины имело место быть, потому что она была права, но Лера не хотела этого признавать. Уже сам факт наличия обсуждения ее одинокого статуса и поисков партнера унижал чувство собственного достоинства и задевал гордость.

Сабина покачала ванильный коктейль в стакане и тихо произнесла:

– Если бы я тебя не знала, решила бы, что ты обманываешь саму себя.

Повисла неприятная тишина, потому что Лере больше не хотелось обсуждать свои чувства и проблемы, а Сабина не знала, что еще может ей сказать. Неприятное чувство, что ее в чем-то обвиняют, испортило послевкусие от клубничного коктейля.

Хватило нескольких минут, чтобы Сабина погрузилась в свою игрушку на телефоне. Она не любила много болтать и предпочитала тратить все свободное время, играя в компьютерные игры. Если бы не экстравертность Леры, ее маленькая ведьма забила бы дверь в свою квартиру досками и оставила бы для курьеров маленькую дырку на манер прохода в туалет для кота.

Сабина отпугивала нормальных людей. Она много ругалась, ворчала и выглядела, как сбежавшая с посвящения сектантка. Бледная кожа, синяки под глазами и выступающие синие вены на висках, шее и кистях в сочетании с черной бесформенной одеждой и растрепанными волосами, подстриженными в стиле маллет, – все это создавало настоящий оберег от «нормальности» в их совместной жизни. Впрочем пестрый стиль Леры жутко контрастировал с простым и темным у Сабины и в то же время так же отпугивал окружающих.

– В любом случае спасибо, что пришла, – тихо произнесла Лера и улыбнулась подруге. – Знаю, что ты не любишь шумиху.

– Все нормально, – Сабина отмахнулась и нервно дернула телефон, нажимая несколько виртуальных кнопок. – Зависеть от мнения окружающих – полный отстой, понимаю. Всегда готова побыть для тебя подушкой для слез.

– И не собиралась я плакать, – фыркнув, Лера заулыбалась намного искреннее. – Было бы из-за кого.

– Верно. Так бы сразу!.. Ну, твою мать! Куда ты прешь, кошара?

Лера подперла голову рукой и взглянула в окно. Тишина за их столом разбавлялась редким шипением и ругательствами Сабины. Рядом с ней Лера могла и помолчать.

За окном еще лежал снег и обещал пробыть с ними до следующего месяца. В этом году зима выдалась не такой морозной и хлопотной, как раньше, но снега навалило столько, что тракторы и грузовики сновали по дорогам то туда, то сюда практически каждый день. Теплая зима обещала много снега и пасмурную погоду: светло-серое небо, натыканное высокими голыми деревьями; бело-коричневые домики в центральном парке, растущие, как грибы в грибнице; небольшое озеро с подвесным мостом, отражавшее бесконечную пустоту небосвода, зацкливая странный образ стеклянного шара с искусственными снежинками. Лера наблюдала за тем, как темные ветки царапают скат крыши их любимого кафетерия

– маленького, уютно втиснутого между домами и плотными деревьями.

Телефон дал о себе знать, и Лера нехотя включила его, чтобы прочитать сообщение.

Любитель кактусов: сегодня все в силе?

На душе было паршиво: кошки не просто скреблись, они вопили и кусались, как пантеры, явно вознамерившись разодрать ее душу в клочья. После недавнего неудачного похода на «свидание» с парнем из приложения Лера до сих пор чувствовала себя убого и отвратительно, желая общаться и делать вид, что ей крайне интересно, сколько умных книг он прочел и как круто умеет невпопад их цитировать не было ни на йоту. Однако последний раз, когда она отменила встречу из-за плохого самочувствия, парень разразился такой бурей обвинений и гнусных манипуляций, что ей пришлось его блокнуть. Да только он нашел ее с другого аккаунта и проклял на семь лет несчастья.

Оценив погоду, Лера написала ответ.

Лера: ага! Встретимся где-нибудь?

Любитель кактусов: сегодня погода супер, прогуляемся?

«Ага, супер, – мрачно подумала Лера, – в минус семнадцать самое время прогуляться».

Лера: если хочешь.

Со вздохом Лера выключила телефон и подняла взгляд, наткнувшись на пронизательные карие глаза Сабины. Подруга отвлеклась от своей игры и наблюдала за ней, пока та

с лицом мученицы переписывалась с Любителем Кактусов. Это уже третий «додик» за неделю, поэтому Лера даже не пыталась запомнить его имя.

– Кому это нужно? – темная бровь Сабины вздрогнула, а лицо исказилось так, будто Лера предлагала ей на завтрак дождевого червя. – Открой для себя уже китайские гачи с красивыми 2D-парнями. Всего пара алмазов и они твои. Любые. А главное, – Сабина коварно улыбнулась, – послушные как псы.

Лера покачала головой и потянулась к подруге, чтобы отобрать у нее коктейль.

– Так ты развлекаешься на досуге? – смеялась она, пока Сабина отбивалась от ее пальцев и ворчала что-то вроде «пошла прочь от моей прелести». – Видела Саркастину? Она замуж вышла и уже ждет ребенка! Кравцова вообще успела развестись и снова выскочить замуж.

– Ага, Кирилл залетел за решетку, – Сабина ударила ее по руке и обняла стакан с напитком, но этого Лера и добивалась, потому что в ту же секунду стащила драгоценный телефон. – Эй! У меня там важная катка¹! Отдай! Если меня обставит драный кот, я умру со стыда!

Сабина была страшна в гневе, когда кто-то мешал ей играть. Мельком оценив пестрые картинки героев в стиле аниме и какого-то бесконечно настрачивающего сообщения в чате игрока под ником «Салем», Лера вернула телефон по-

¹ Катка – это раунд в видеоигре.

друге.

С облегчением Сабина вернулась к игре. Ее пальцы скакали по горячему экрану телефона, как птички колибри – быстро и резко. Лера всегда поражалась той ловкости и маневренности, с которой подруга жала на тысячу кнопок и уничтожала виртуальных врагов. Жаль только от реальных она бежала как от огня. Лера не раз в школе получала по лицу, потому что защищала свою трусливую, но колкую на язык подружку. За спинами, а иногда прямо в лицо их называли «ведьминскими суками».

– Давай сделаем баннер с эти логотипом? – в сердцах предложила тогда Сабина, примеряясь, чтобы приклеить пластырь на лоб и нос Леры.

– Может, сразу футболки с надписями? – кряхтя от саднящих синяков, пошутила Лера.

На следующий день Сабина пришла в футболке с надписью «Ведьминская сука №1» и вручила Лере вторую с такой же надписью и цифрой «2». Говорить о том, что их вызвали к завучу, а потом позвонили их родителям, не приходится, зато никто больше не обзывал. Ведьминские суки – 1, школьные хулиганы – 0.

– Чего, как полоумная, лыбишься? – спросила Сабина.

– Вспомнила, как ты в младшей школе пришла на урок, забыв надеть юбку.

– Какая ты противная, – проворчала подруга, но потом улыбнулась. – Так к чему ты завела весь этот разговор про

бывших одноклассников? Подумаешь, прошли все уровни жизни за первые двадцать лет! Что дальше-то делать? Скука!

– Чувствую, что со мной что-то не так.

– Меньше сиди в интернете и листай чужие фотки.

– Сабина! Ты понимаешь, о чем я! – Лера растеклась по столу и страдальчески вздохнула. Парочка мимо проходящих официантов переглянулась. – Что со мной не так, а? Почему в двадцать два у меня не было ни одного парня? Да к черту! Даже гребаного поцелуя, а у кого-то уже десятый ребенок и третий развод? Почему они, а не я?

– Ты хочешь третий развод? Или десятого ребенка?

– Сабина, я не об этом! Неужели ты меня не понимаешь?

Сабина не ответила, потому что ее завлек тяжелый этап их пиксельной битвы. Она так напряглась, что обычно желтовато-серая кожа на лице покраснелась и покрылась пятнами, а хаос из волос вспыхнул новыми завитками вокруг головы. Каждый новый удар по экрану несчастного телефона отдавался болью в душе самой Леры. И сколько старина еще выдержит? Никакого уважения!

– Не пойму я тебя, Лер. – Сабина нанесла финальный удар по врагу и победоносно покинула игру, оставив своих соперников глотать пыль. Сунув телефон в карман темно-коричневого кардигана, она допила коктейль и продолжила: – Живи свою жизнь и все. Зачем тебе для того, чтобы чувствовать себя целой и *нормальной*, нужен кто-то еще?

– Не знаю, – со вздохом ответила Лера и подозвала офи-

цианта, чтобы расплатиться за заказ. – Просто сложно чувствовать себя нормальной, когда все вокруг утверждают обратное.

Хмурая светловолосая девушка принесла терминал. Лера оплатила их счет и оставила чаевые, после чего подруги выскочили на прохладный февральский воздух.

– Идиоты они все, – зло ответила Сабина, когда девушки брели по узкой тропинке вдоль некогда пышного кустистого забора. Красная шапка с помпоном то и дело сползала ей на глаза, делая похожей на снегиря или воробья в ворохе шелестящей ткани куртки и теплого шарфа. – Мы же не в видеоигре с правилами перехода на новый уровень. В реальности мы сами определяем, что нормально, а что нет. Каждый сам себе кузнец собственного счастья.

– Ты права.

– Я всегда права.

– Кроме случаев, когда донатишь всю стипендию в игры.

Сабина оскорбленно задохнулась и пихнула ее в бок:

– Мы слушаем и не осуждаем, подруга.

Питье сладких и химозных коктейлей в компании лучшей подруги и небольшая прогулка, кончившаяся подмороженными пальцами на ногах, подняли настроение и развеяли печальные мысли. Лера пообещала себе, что вне зависимости от того, как пройдет сегодняшний вечер, она не станет накручивать себя. Это просто встреча, которая ни к чему не обязывает. Она пройдет и о ней никто не вспомнит.

Лера не понаслышке знала, каково это – жить с сестрой в одной комнате, поэтому была благодарна родителям за отдельный уголок в квартире. Пусть он по размерам больше напоминал чулан, как у Гарри Поттера под лестницей, но у нее, в отличие от него, было окно, выходящее на большой двор, где по ночам весело перемигивались фонари над подъездами и тысячи окон в соседних домах.

Три кремовые стены и четвертая – в серебристую полоску, потому что Лера любила блестящие и яркие вещи, а обои в серебристую полоску в свете цветных ламп красочно переливались – закат, рассвет или просто звездная пыль. Ей нравилось думать о том, что ее маленький уголок – это кусочек вселенной, купленный в магазине.

Сегодня пары прошли в дистанционном формате, поэтому у Леры была возможность «подготовиться» к вечерней встрече. В основном морально, потому что физически подобрать какой-нибудь симпатичный наряд – это работа парочки часов с перерывом на истерику, привычное дело. Однако ожидание – худшая пытка. Лера то и дело смотрела на электронные часы. С каждым прошедшим часом беспокойство нарастало, а сердце как будто все ускорялось и ускорялось, принося с собой тошноту, головокружение и неприятное жужжащее чувство под кожей.

Лера встала и прошлась по комнате, встряхнула руки. Пришлось открыть окно, потому что батареи нещадно обо-

гревали каморку. Из шкафа она достала несколько нарядов: длинное шерстяное платье цвета бургунди или бордового для простых людей; темно-синие джинсы-клеш, белую рубашку и темно-желтый кардиган; голубой свитер с забавными желтыми цветочками и полосатыми узорами, напоминающими соты в улье, и вельветовые насыщенно-оранжевые штаны. Последний наряд был ее любимым, в нем она чувствовала себя комфортно и не такой уязвимой, как если бы цвет и нелепые принты были ее своеобразной броней. Она как будто заранее говорила: «Я тебя не боюсь!»

Ни один наряд сегодня ей не понравился. Платье оказалось слишком обтягивающим, подчеркивало неровные изгибы на объемных бедрах с отвратительными впадинками. Кардиган с джинсами напрочь уничтожили талию, превратив в шар и порезав рост на непропорциональные отрезки. Лера достала еще несколько вещей, но и те не подошли: показались то неудобными, то слишком открытыми, то объемными – одним словом, непригодными. Настроение упало, а взгляд погас.

– И на что ты рассчитываешь? – спросила она девушку в отражении. – Кому ты такая нужна?

Стоило бы отвернуться, выбросить из головы все злые и обидные слова, которые родились в ответ на увиденное в зеркале, но Лера продолжала смотреть в свое бледное лицо с красными пятнами на щеках, с грязными мазками веснушек, из-за которых ее кожа выглядела пятнистой. Еще эти

очки... Чем дальше смотрела, тем больше видела разницу между бледными глазами. Цвет у них какой-то болотистый. Нос выглядел то слишком тонким, то слишком широким, а родинку над губой так и хотелось стереть или содрать.

Лера покружилась перед зеркалом, рассматривая свое неказистое тело: круглые бедра, из-за которых она не могла носить свободные футболки или кофты; широкие плечи, округлую грудь и мягкий животик. Кожа стала липкой и покрылась неприятными мурашками из-за холодного сквозняка.

Лера отошла от зеркала, пнула образовавшиеся на полу кучки одежды и улеглась на кровать. Ее тошнило от самой себя, от того, что ей придется снова строить из себя невесть кого и от того, как она устала.

Устала быть *такой*.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла мама. Она шумно вздохнула:

– У тебя снова бардак. – Лера нехотя повернулась, укутываясь в одеяло. Мама мрачно оглядела захламленное пространство и подняла несколько вещей с пола. – Как не зайду, ты бездельничаешь. Скоро университет закончишь, а ты все в детство играешь.

– Я уберусь, – тихо ответила Лера, чувствуя, как в груди стягивается неприятный ком из чувств.

– Уберешься, конечно, – со вздохом мама сложила кофту и джинсы на кровать. – Ты же девочка! Надо следить за со-

бой.

– Мам, я уберусь! – с нажимом повторила она. – У меня вечером дела.

У мамы были такие же, как у Леры, густые русые волосы, которые всегда красиво завивались от влаги, а светло-голубые глаза живо поблескивали в свойственном ей неудовольствии. Она часто хмурилась и говорила все, что думает об окружающих, пока эти окружающие помалкивали, боясь навлечь на себя праведный гнев.

– Хорошо, будь осторожна и пиши, если что случится, – с этими словами она ушла, тихо закрыв за собой дверь.

Хотелось спросить ее, зачем пришла, но Лера промолчала и закуталась в одеяло. Оставшееся время она так и пролежала в своем защитном коконе, вот только из него так и не родилась прекрасная бабочка.

Лера приехала в центральный парк заблаговременно. Она не представляла, что здесь можно было делать зимой, кроме как ходить вокруг небольшого озера и разглядывать голые деревья. К вечеру похолодало, поэтому уже через несколько минут пальцы в ботинках закололо, а нос защипало от злого морозца.

Вечерний сумрак разгоняли редкие белые фонари, из теней между деревьями выскакивали прохожие и проходили мимо, не замечая девушку у кованых ворот парка. Она кружила, наблюдая за тем, как снег обрисовывал узор ее подош-

вы, как плотные сугробы блестели серебром, и думала о том, как бы поскорее вернуться в теплую квартиру.

Завтра ехать на работу, а она гуляет с незнакомцем в надежде, что ее не хлопнут за ближайшим поворотом. Насколько сильно ей это нужно? Можно было бы уехать и сказать Любителю кактусов, что она подвернула ногу, ее сбила машина или украли инопланетяне – что угодно лишь бы был повод не встречаться.

– Привет! Лера-из-приложения? – Кто-то коснулся ее плеча, и Лера испуганно подскочила. Незнакомец неловко улыбался. – Никита. Ну, тоже из приложения.

– Да, я поняла, – механически ответила она, оглядев Любителя кактусов. Часть его лица скрывал шарф, а большие очки то и дело запотевали. – Рада встречи. Пошли?

Неловкая тишина повисла практически сразу. Скрипел снег под ботинками, шумели на дороге машины, а в голове нервно переговаривались мысли, которые старательно искали темы для разговоров. Любитель кактусов то и дело покачивался, задевая ее локтем, и каждый раз, стоило Лере вернуть комфортное для себя расстояние между ними, прижимался с новой силой – уже через несколько метров она почти соскользнула с тропинки в сугроб.

– А вообще, мы это обсуждали, но хочется услышать реальную причину, зачем ты в приложении сидела, – выдал Любитель кактусов.

– В каком смысле «реальную»?

Он громко рассмеялся и цокнул, словно она сказала что-то очень смешное.

– Конечно, ты не понимаешь... Я имею в виду, кого ты ищешь тут? Партнера для отношений, друга – что странно! – партнера на одну ночь и все такое.

Лера запнулась о собственную ногу, и Любитель кактусов удачно подставил руку, но удовольствия от этого касания не было никакого. Она нервно хихикнула и отстранилась.

«В приложениях для знакомства знакомятся, разве нет?» – подумала Лера, но сказала другое:

– А ты?

Он мазнул по ней оценивающим взглядом, но широкий белый пуховик с черными вставками вряд ли мог ему много рассказать о ее внешности и фигуре – причина, почему Лера любила зиму больше лета. Целых три месяца, а если повезет четыре, парням приходилось прикладывать усилия и интересоваться личностью своей собеседницы, а не ее физическими данными. Однако что-то Любитель кактусов все же заметил, раз на его лице проскользнуло это странное выражение... подчеркнутого безразличия.

Лера поежилась, желание вернуться домой только возросло. Ее собеседник явно не собирался раскрывать карты, поэтому Лера сменила тему:

– Ты сказал, что странно искать здесь друзей. Почему?

– Ты еще спрашиваешь! Очевидно же, что между мужчиной и женщиной не может быть никакой дружбы, – его смех

начинал раздражать: скачущий и силпый. – Это биология, Лера.

– Это стереотипы, Никита.

– Как скажешь! Девушкам сложно поверить в эту жестокую правду о мире вокруг: все парни хотят от вас только одного. Какая дружба вообще? А если ты видишь, что какой-то парень дружит с девушкой, то он подсознательно ее хочет, ага.

– Так вот какая твоя цель? – Лера остановилась, остро ощутив, что они забрели в темный перешеек между черными кривыми деревьями. Белый свет фонарей жутко множил тени вокруг и обезличивал фигуру парня перед ней. – В таком случае я пойду. Мне это не интересно.

Любитель кактусов вскинул руки и спешно забормотал:

– Да брось! Я же прикалываюсь, шутки все это. – Он потянулся к ее руке, но Лера отшагнула. – Понял, не трогаем. Не будь такой серьезной. Не вежливо обвинять без доказательств.

– Я не...

– Пойдем! – и он увлек ее дальше по тропинке.

Лера нервно озиралась и, встречаясь взглядом с редкими гуляющими, успокаивала расшатавшиеся нервы. Она заблаговременно отправила Сабине адрес парка, время прогулки и попросила позвонить ей через час с начала встречи, чтобы та либо спасла ее от неловкого типа, либо – от маньяка. Впрочем, она могла и напридумывать себе. Сколько раз

ей уже доводилось общаться с таким типом парней, которые считают себя важными и значимыми, а женщин – лишь дополнением к себе. По их мнению, у женщин нет ни интересов, ни важных проблем, да и серьезную тему поддержать они не в силах – только хихикать и улыбаться.

Через несколько минут Лера смогла себя убедить, что дойдет до моста и там останется всего ничего до выхода – там они и разойдутся, а пока лучше направить беседу в нейтральное русло, задобрить странного и жуткого типа.

– Как твои кактусы поживают? – попыталась она.

– Я так рад, что ты спросила! Сегодня днем друг подарил мне еще несколько экземпляров кактусов опунции. Думаю, они станут прекрасным дополнением в коллекцию, ведь...

Лера улыбалась, поглядывая на парня, пока тот распалялся, рассказывая ей о видах кактусов, об их особенностях и о прочей ерунде, которая совершенно ее не интересовала, но она умело поддакивала, вовремя восхищалась и подливала масла в огонь, задавая дежурные вопросы. Любитель кактусов не замечал ее явного безразличия и скуки, потому что был поглощен своей персоной и своими любимыми кактусами, а Лера уже думала о том, как вернется домой, заварит чай и посмотрит серию нового сериала. Неловкость и смущение сменились безразличием и тянущим чувством раздражения.

Почему никто никогда не спрашивает, что нравится ей?

Почему они должны ходить по паркам зимой и морозить задницы?

Какого хрена он постоянно жметя к ней и трогает своими длинными лапами?

– Знаешь, я тебя даже сначала не узнал, – со смешком сказал Любитель кактусов, когда они остановились на подвесном мостике. Вокруг никого не было, только тени и ледяная гладь под ногами, напоминающая темно-белое блюдце. – Ты выше, чем я думал.

– А ты ниже, – тихо буркнула она, но Любитель кактусов не заметил.

– С тобой интересно вести диалог! – «Прогугли, что значит “диалог”, придурок», – Приятная такая девчонка, но вот я не понимаю, зачем вы всегда выкладываете такие фотки, – он сказал это с улыбкой, но отчего-то прозвучали слова обвинительно и слегка уничижительно. Лера изогнула бровь. – Ну я о том, что не поймешь, кто перед тобой: реальный человек или вылизанная фальшивка? Каждый раз как тот... как его? Пес Павлова, что ли?

«Он хотел сказать “кот Шредингера”?» – с сомнением подумала Лера, нащупывая в кармане телефон и отсчитывая про себя минуты до спасительного звонка Сабины.

– Меньше макияжа, больше естественности, – продолжал Любитель кактусов. – На что девушки рассчитывают? Мы все равно увидим разницу.

– Мы хотя бы *умеем* пользоваться фотокамерой.

– В каком смысле?

– Знаешь, уже поздно, – Лера отошла, чувствуя отвраще-

ние то ли к нему, то ли к себе. – Мне пора домой. Спасибо за вечер.

В этот раз ее хватило на пол часа – это уже успех, хоть и сомнительный. Ждать звонка Сабины было бессмысленно. Она и так готова была сигануть с моста, лишь бы избежать общества этого парня.

Лера обошла Любителя кактусов и поспешила к выходу из парка, но полный возмущения парень поспешил за ней и схватил за локоть.

– Подожди! Ты что, сейчас меня оскорбила? Назвала уродом?

– Отпусти меня! – напряженно потребовала Лера и дернула руку, но Любитель кактусов держал ее крепко. За толстыми стеклышками его очков блеснуло раздражение, и обветренное лицо стало еще неприятнее. – Мне и правда пора.

– Ты себя вообще видела? Уверен, даже не целовалась ни разу! Думаешь, у тебя есть право говорить мне, что я урод и кого-то обманываю? – с каждым словом он кричал все громче и дергал ее за руку так, что скоро она онемела. Лера испуганно застыла. – Тупые шлюхи вроде тебя должны быть благодарны за то, что на них обратили внимание! Только и умеете, что требовать, ничего не давая взамен. Вы вообще знаете, что такое справедливость?!

Любитель кактусов схватил ее за щеки и сжал с такой ненавистью, какая совершенно не сочеталась с тем милым прозвищем, которое Лера ему дала. Она ударила его, желая

поскорее избавиться от липких и холодных пальцев на лице, на ее локте – на ней в целом. Разве она вообще сказала что-то обидное? Разве это *нормально*, психовать из-за ерунды и распускать руки?

– Отпусти, больной придурок! – с этими словами Лера пнула его в колено, и парень закричал от боли.

Лера бросилась бежать. Ужас гнал ее прочь, сковал внутренности ледяной хваткой и со всей силы толкнул в спину, лишь бы она убралась от опасного парня, который так и продолжал кричать ей отвратительный слова – от них на душе становилось склизко и мерзко. Они все – наглое вранье! Как вообще можно опускаться до таких низостей? Кто этого придурка так сильно обидел в жизни, что она, Лера, теперь должна терпеть такое отношение к себе?

Несколько прохожих видело, как она кричала и сопротивлялась, но никто не подошел. Наверное, они решили, что ссорится парочка: кому охота лезть в чужую семью со своими правилами? Благими намерениями вымощена дорога в ад и все такое. Лера знала, что никто не обязан ей помогать, но... Ее облитое грязью и чужими пороками сердце кровоточило и ненавидело правду о том, что зло прощается, пока добро порицается.

Ледяной воздух наполнил тело, пронзил легкие, но за страхом и ужасом Лера этого не замечала. Когда сил не осталось, она замедлилась и шумно закашлялась.

Лера брела по цветным и ярким ночным улицам, содро-

гаясь от каждой дрожащей в закоулках тени. На автобусной остановке она нашла место на обледенелой лавке и присела, не чувствуя ни ног, ни рук – вся она замерзла, казалось, снаружи и внутри.

Вокруг стояла целая толпа взрослых, возвращающихся с работы, детей, вышедших со школы, и бабушек, кряхтящих на молодежь. Оживленный шум города успокоил испуганное сердце, смягчил ужас и страх, и Лера постаралась сосредоточиться на настоящем моменте, вслушиваясь в болтовню стоящих рядом женщин: они обсуждали завышенную стоимость продуктов в магазине.

– Раньше такого не было! – говорила первая. – Теперь за ту же стоимость дай бог сметану да яйца купишь.

– Согласна, – поддакивала вторая. – Вот бы зарплату так повышали, как цены в магазине.

Рядом с двумя незнакомыми женщинами Лера ощутила иллюзорную безопасность.

Напряжение начало отпускать, высвобождать внутренности из ледяной хватки, а чувства принялись кружить тревожными и злыми мыслями в голове. Лера шмыгнула носом, покрасневшимся и натертым шарфом, порылась в карманах, в небольшой сумке: ни платков, ни салфеток. Раздраженный вздох сорвался с губ, и вдруг морозец поцеловал ее то в одну щеку, то в другую, а потом в нос, подбородок и в мокрые губы. Слезы сами потекли по щекам, но Лера не стала их вытирать. Она злилась так сильно, что готова была

разрушить саму себя от безвыходности и ярости.

Дрожащими пальцами Лера включила телефон и удалила приложение для знакомств. Больше никогда она этим заниматься не будет. К черту эту любовь, к черту этих парней!

Просто к черту!

Глава 2. Совпадения – тоже закономерность

Лера поморщилась от тошноты и головной боли. Свет из окон слепил даже сквозь сомкнутые веки. Был неприятно белым, как бывает зимой: без красок, но очень яркий. С похмелья ничего хуже не придумаешь: раскрытые шторы и надоедливый дневной свет, проливающийся, как кара небесная на грешника. Лера нервно улыбнулась сквозь сон в ответ на занятный ассоциативный ряд в своей отупелой голове.

Где-то завибрировал телефон, настойчиво требуя ее внимания, но Лера только перевернулась на другой бок и укуталась в мягкое одеяло – теплое и немного шелестящее, словно атлас или сатин. Но этого не могло быть: дома постельное белье только из хлопка – мама была принципиальна в подобных вопросах ведения быта. А еще пахло от белья незнакомым сочетанием ягод, облепихой и чем-то сладким – до оскомины.

Клубника.

Лера улыбнулась и зарылась носом в подушку, вдыхая любимый аромат. Она обожала сладости и запах клубники был самым любимым. Удивительно, если мама, наконец, послушала ее и обновила кондиционер для белья. Мысль о чужой заботе согрела сердце и окончательно разморила.

Но телефон вознамерился заполнить ее внимание во что бы то ни стало. Полная раздражения Лера потянулась за ним и приложила к уху.

– Слушаю!

– Где тебя черти носят?! – донесся разъяренный голос мамы с того конца связи.

Лера подскочила так резко, будто мгновение назад не спала мертвым сном. Сердце испуганно забилося в горло, опалило жаром. Спешно нащупав свои очки на прикроватной тумбочке, которой... не должно было быть, Лера огляделась.

– Дома, – ответила она, но голос затих, когда перед ней предстала спальня. Чужая спальня. – Или нет...

В голове разбивалось что-то. Боль накатывала тошнотой.

– В каком смысле? Валерия, ты не вернулась домой и даже не написала мне, где будешь! Почему ты заставляешь меня волноваться, не спать до поздней ночи и ждать тебя? – Пока мама расплывалась с каждым новым произнесенным словом, Лера ошалело оглядывалась, сжимая в руке телефон. Перед ней предстала совершенно незнакомая ей спальня в черно-оранжевых тонах, напоминающих мгновение перед наступлением ночи. Красивая иллюзия заката или последней вспышки солнца перед гибелью. – Скажи спасибо Сабине, хоть у кого-то из вашей двойки есть голова на плечах. Она озаботилась и ответила мне!

Пока мама кричала ей в трубку, Лера изучала плакаты и рисунки, которыми была покрыта стена рядом с широким

экраном компьютера. Изображенные герои и локации различались от схематичных до полностью детализированных.

– Прости меня, – тихо ответила она и сползла с высокой кровати.

Лера провела ладонью по упругому матрасу, мягко обволакивающему ее. Это что, матрас с эффектом памяти? Кто тут живет: старик или богач? А может, богатый старик?

– Мам, я скоро буду дома.

– А как же работа? Тебя уволили?

– Что? Нет! – Лера разозлилась, чувствуя нарастающую панику. – После работы. Все, пока!

Сбросив звонок, Лера судорожно оглядела свою одежду: на ней была все та же розовая футболка, которую она надела вчера, нижнее белье с кружевным краем тоже было на месте, а вот темно-синие джинсы и бежевый лифчик валялись на спинке стула. Жаркие и в то же время холодные мурашки пробежались вдоль позвоночника, свели пальцы ног – внутри ширился ужас и беспокойство.

– Боже, что случилось? Почему... Как я? – Она запнулась, услышав грохот за дверью. Где-то упала какая-то банка или что-то такое. Слышался шум воды. – Боже-боже! Я тут не одна, какого хрена?!

Лера заметалась по спальне: от кровати до двери и обратно. Сначала она бросилась наружу, но потом вспомнила о своих голых ногах и провокационном белье, поэтому вернулась, натянула джинсы и запихала лифчик за пояс. Бросилась

к двери и вспомнила про рюкзак и зеленый джемпер, который... А где ее зеленый джемпер с цветами? Она так старалась, когда вышивала их! Вряд ли негодяй, к которому она попала, вдруг позарился на ее красивые вещи.

Спальня оказалась небольшой: в ней была двухместная кровать с черными простынями, шкаф с зеркалом и стол с компьютером. Несколько полок с книгами и пара наград за баскетбольные матчи – любопытная деталь, которая отвлекла Леру от поисков своего несчастного джемпера. Под столом и справа от кровати путалось множество проводов, зато с левой стороны – там, где она спала – тумбочки и розетки были пустыми. На столе и подоконнике были раскиданы визитки разного дизайна.

Джемпер нашелся под одеялом, будто она спала с ним в обнимку.

– Вот ты где, мерзавец!

Рюкзак же валялся под кроватью.

– Даже у меня дома не так чисто, – поразилась она, вытаскивая рюкзак. – Пахнет отбеливателем или хлоркой? Господи боже, тут явно живет старый богатый маньяк! Надо валить! Срочно, срочно!

Лера дернулась, когда шум за дверью повторился. Она схватила с полки золотую награду в форме баскетбольного мяча на пьедестале и приготовилась обороняться.

«Главное не убить его. Нельзя превышать самооборону, – мысленно с нарастающей тревогой повторяла наученная на

сериалах Лера. – Не хватало еще загреметь в тюрюгу из-за какого-нибудь отморозка».

Лера открыла дверь спальни и бесшумно выскользнула в узкий коридор. Слева была арка, ведущая в гостиную, за ней была кухня. Дальше по коридору справа была дверь, из-за которой доносился шум. Задержав дыхание, Лера прислушалась: хозяин квартиры принимал душ или чистил зубы, но в любом случае у нее появилась возможность сбежать без свидетелей и... трупа, полученного вследствие удара тупым предметом.

Лера прошла по коридору в прихожую, всунула ноги в оставленные у порога ботинки и схватилась за свой белый пуховик, висевший на крючке. От него пахло чем-то едким.

«Я в чем-то испачкалась вчера?» – подумала Лера, накидывая пуховик на плечи.

Шум воды оборвался, скрипнула дверь в ванную.

– Ты уже уходишь?

Но Лера выскочила за дверь и помчалась по лестнице, помня, что при бегстве лифты – худшие помощники.

– Эй, воровка, награду верни! – слышалось сверху, но Лера проигнорировала крик, слетая со ступеней.

Она успела преодолеть пять лестничных пролетов и вылететь на улицу к моменту, когда ее испуганный и взвинченный утром, как у героини какой-нибудь мелодрамы, разум запоздало подметил: голос владельца той умопомрачительно удобной кровати принадлежал точно кому-то обеспеченно-

му и явно молодому. Маньяку ли? Этот вопрос остается еще открытым.

Лера взглянула на золотую награду и оставила ее на крыльце.

«А еще это точно был не тот жуткий тип из приложения!» – со странным облегчением заключила она.

У Леры болела голова и ломило кости после выпитого накануне спиртного. Она редко пила, потому что крайне плохо переносила алкоголь: тело всегда превосходило себя в способах наказать ее. Опынение приходило быстро, забирало с собой весь вечер, зато дарило взамен легкость, свободу от тревожных мыслей и навязчивых страхов, но главной вишенкой на пьяном торте было прощение и принятие себя такой, какая есть.

Тишина комнаты отдыха была подарком для ее пульсирующих висков. Обезболивающее еще не успело подействовать, поэтому Лера пыталась меньше двигаться и реже моргать. С переменки вокруг детского стола валялись разные конструкторы, пластиковые игрушки, части тел старых и новых кукол, и даже разбросаны были цветные шарики из надувного бассейна в углу. Без учета учиненного детьми беспорядка, здесь было уютно и светло, потому что владелица центра обладала вкусом и знала, как создать из небольшого пространства иллюзорно огромный зал, в который хотелось приходить и действительно отдыхать.

Стены оклеены обоями в пастельных тонах голубого и желтого, как приглушенный закат, на фоне которого росли глянцево-пальмы, бродили мультишные львы и летали забавные туканы с большими клювами. Детям нравилось представлять себя в роли путешественников, прибывших на сафари в Африку, а Лера в этих играх всегда выступала несчастным проводником, который старался всеми силами уберечь любопытных искателей неприятностей от верной гибели, а себя – от неба в клеточку. Ее окружали деревянные круглые столики в светло-зеленой краске, за которыми дети обычно рисовали, делали поделки и строили конструкторы. Иногда их использовали для создания баррикад. Паркетный пол устлан был мягкими пружинистыми ковриками-пазлами, которые подопечные любили разбирать, несмотря на все замечания и упреки со стороны воспитательниц.

Надо было встать и убраться, потому что через час сюда вернется орава маленьких зверят, которые не знают, что такое «сидеть спокойно». Наблюдая за ними, Лера всегда поражалась: куда вся эта сила и энергия девается с возрастом? Порой ей так их не хватало.

– И как это случилось? – тихо рассуждала она, блуждая взглядом по комнате, но внутренне находясь во вчерашнем вечере и пытаясь вспомнить, с кем и как уехала из бара. А еще ей хотелось понять, было ли между ней и незнакомцем что-то кроме неловкого пьяного хохота? Насколько она могла судить, ничего не было. – Я бы поняла, да? Скорее всего

да. У меня же не было раньше парней, поэтому, наверное, я почувствовала бы изменения.

Чудесные и самые лучшие люди с форумов убеждали испуганных и растерянных девушек в том, что они точно заметили бы изменения. Чтение статей в интернете и собственные рассуждения помогали успокоиться, пока Сабина игнорировала ее сообщения то ли из-за того, что любила спать до вечера, то ли потому, что у нее была очередная «серьезная катка». Когда ее подруга играла в свою виртуалку с красивыми персонажами, о ней можно было забыть до китайской Пасхи, как любила говорить мама. Проще дозвониться на пульт от телевизора, чем до играющей не на жизнь, а на смерть Сабины.

– Валерия, ты хорошо себя чувствуешь?

Вошедшая в комнату женщина напугала Леру, и та чуть не прикусила в испуге язык. Она выпрямилась на скрипучем стуле, собираясь встать, но Александра Сергеевна с улыбкой махнула рукой и бросила «не стоит». Как и всегда, владелица центра «Улыбка», где Лера работала с прошлой весны, выглядела слишком просто для своего статуса. Любой, кто умел видеть, не дал бы этой женщине больше сорока, но на самом деле она уже разменяла у жизни пятьдесят лет и все еще чувствовала себя молодой и приткой девчонкой. Ее стиль только подтверждал это: черно-белое платье из шифона, теплый длинный свитер с объемным горлом и белые кроссовки на толстой подошве.

Однако Александра Сергеевна с претензией относилась к внешнему виду окружающих. Она воспринимала фразу «встречают по одежке» буквально, а потому получить нагоняй за ненадлежащий внешний вид шансов было больше, чем за что-либо другое. Лера в своей мятой футболке и с наспех собранными в тугой хвост волосами могла только представлять, как ужасно выглядит в ее глазах.

– Выглядишь болезненно бледной, – подтвердила догадку Александра Сергеевна и скрестила руки на груди. – Могла взять отгул, если заболела. Нельзя подвергать детей опасности, у многих слабенький иммунитет. Вирусы здесь – та еще заноза в заднице.

Лера не сдержалась и улыбнулась. Любила начальница подбрасывать в костер смущения окружающих еще дровишек своими неожиданными высказываниями.

– Все хорошо. Я просто поздно легла, – ответила Лера и разгладила мятые складки на розовой футболке. Ехать домой времени не было, поэтому смогла лишь купить в аптеке полоскалку для рта и умыться в туалете мылом.

Рядом с начальницей ей остро хотелось принять горячий душ. Насыщенный каштан волос окружал вытянутое лицо приятными волнами, подчеркивая красоту и здоровье. Она совершенно точно знала себе цену и уважала себя настолько, что после первого развода в двадцать пять лет, в следующий раз Александра Сергеевна «впряглась в эту кабалу» только в сорок с копейками лет – и не ради кого-то, а ради статуса

жены успешного IT-магната. Не пахло здесь любовью.

Лера видела Алексея Рублева, этого жуткого магната в дорожном костюме, всего один раз, и он показался ей человеком холодным и расчетливым. Впрочем, с иным подходом не построить империю, уважаемую даже за рубежом.

Насколько Лере было известно – со слов Сабины, – этот человек смог заключить выгодное сотрудничество с китайскими амбассадорами на рынке еще до того, как их игры превратились в самые продаваемые в сегменте. Это стало решающим моментом в его карьере.

«Они друг друга стоят, – подумала Лера, покачиваясь из стороны в сторону. – Вот бы и мне быть такой крутой, как эти Рублевы, которым чужды человеческие чувства!»

Начальница оглядела Леру с ног до головы, и ее ухоженная бровь взметнулась вверх.

– По всей видимости, Валерия, ты не просто поздно легла, а вообще не ложишься, – начальница помолчала и с улыбкой закончила: – Или спала в чужой кровати.

– Пф-ф! – Лера со смешком отмахнулась, хоть щеки и потеплели от смущения. – О чем вы вообще говорите?

– Да так. – Александра Сергеевна оглядела разбросанные игрушки и цокнула: – Приберись, Валерия. Я рада, что у тебя бурная личная жизнь, но будь добра не появляться больше на работе в таком виде. Мое терпение не безгранично. Все ясно?

– Да, мэм.

Начальница довольно улыбнулась: нравилось ей, когда работники покорно соглашались с ней и называли этим старомодным «мэм». Проходя мимо книжной полки, она со вздохом выровняла несколько папок и вышла из комнаты. Какое-то время в воздухе еще витал аромат жасмина.

Лере огляделась, вздохнула с улыбкой. Несмотря ни на что, ей нравилось здесь работать и начальница ее – настоящее золото. Если бы не помощь друга Сабины, шансов устроиться сюда не было бы. Однако чудеса творят эти виртуальные игры!

– Вишвый кошара! – в свойственной ей манере ругалась Сабина, когда вторая за три часа катка была проиграна.

Лера тогда валялась на ее кровати и читала роман, где герои только-только начали понимать свои чувства, поэтому и она сама была вне досягаемости, пока не хрустнул пластиковый стакан.

– Кастрировать его мало! Вот кто так ходит? Я ему говорю два на три навика и ульта², а он... «Не учи ученого, ведьмочка!» Да я его прокляну, говнюка этого!

– Мужчины не любят, когда их учат, – механически выдала Лера информацию, которую ей долгие годы вдалбливала мать. – Особенно, если учит их женщина.

Сабина выдала такую матерную тираду, от которой даже страницы романа подвяли, а потом встала и направилась к кухонному гарнитуру, чтобы взять другой стакан.

² Ульта (ultimate skills) – применить в игре суперсилу.

Она предпочитала выпивать суточную норму воды, пользуясь высокими стаканами с трубочками, потому что «так вкуснее».

– Я гляну?

– Валяй, – бросила Сабина, пока искала стакан. – Скажи, что он придурка кусок.

Лера с усмешкой села и заглянула в разрывающийся от летящих сообщений чат. Цветные ники мелькали на фоне черного чата, как вспыхивающие и гаснущие звезды, слова улетали вверх и исчезали, поэтому Лера не успевала даже примерно уловить суть их спора.

Сабрина: да я на х.. вертела все твои оправдания!

Сабрина: не умеешь играть, вали из тимы³!

Салем: мне нравится, как ты грязно выражаешься

Салем: одно твоё слово, ведьма, и буду кем угодно

Салем: но мои скиллы ты не принижай

Сабрина: у пятилетки скиллы большие, чем у тебя

Салем: а может мне и так пять?

Сабрина: иди в жопу

Тиммейты изгалялись над «в очередной раз поссорившейся парочкой», но в остальном Лера ничего не поняла: они проиграли, потому что Салем не использовал вовремя какие-то игровые скиллы, хотя вроде он и не мог использовать их из-за маны, но Сабина считает иначе... Короче говоря, геймерские трагедии!

³ Тима (team) – команда в игре.

– Да-а, си-ту-а-ци-я, – по слогам протянула Лера, пытаюсь изобразить полное негодование из-за поведения Салема. – У него что, проблемы?

– С бошкой, – донеслось со стороны кухни.

Лера собиралась вернуться к своим героям из книжки, но звякнуло еще одно сообщение. Салем написал в личный чат, где у них с Сабиной была довольно-таки внушительная переписка.

– Что там? – спросила она, подходя к компьютеру. – Надо его блокнуть.

Салем: решила насчет подработ очки?

Салем: хороший вариант

Салем: гарантирую!

Лера удивленно уставилась на подругу, но та только пожала плечами и сказала:

– Он шабашит в разных местах, в том числе у одной крутой тетки, которой сейчас очень нужны хорошие воспиталки. А ты самая лучшая нянька, которую я знаю. На личном опыте проверено.

– Сабина...

– Забей. Тебе нужна же работа, вот и все.

Лера помолчала, чувствуя себя неловко, а потому пошуттила:

– Такой перспективный парень, работает в крупной компании и много где еще. Тебе нужно меньше ругаться, больше флиртовать!

– Бу-э! – был ее многозначительный ответ.

Лера собирала игрушки, чувствуя, как к ней возвращаются силы благодаря действию обезболивающего. Все это: потеря памяти, чужая квартира и боль во всем теле, – не стоило нескольких часов пьяного угара. Больше она никогда не будет пить!

Подобрав один из пластмассовых шариков с пола, Лера бросила его в бассейн в углу комнаты.

– И... Хет-трик⁴! Туда этот шарик!

– В баскетболе нет хет-трика.

Лера испуганно шарахнулась от двери. Второй шарик, который она успела поднять, выскочил из рук и покатился к ногам Вовы, конопатого мальчишки лет четырех. Правда, отзывался он только на «Владимир». «Мы разве друзья? – спросил он Леру в первый день, когда она знакочилась с детьми. – Только друзья могут звать меня так». Ответить ему на это серьезное замечание было нечем, поэтому с того дня Лера обращалась к нему не иначе, как Владимир, но про себя продолжала звать его Вовой.

– Твои занятия уже закончились? – с улыбкой поинтересовалась она, наблюдая за тем, как Вова подбирает мячик, крутит его в руке и идет к бассейну. Выглядел он гордо и неприступно, словно ему не четыре, а все шестьдесят. – Как рисование? Сегодня без происшествий?

⁴ Хет-трик – позитивное достижение в ряде видов спорта и игр, связанное с числом три. Например, три попадания одним игроком.

Вова подошел к цветастому бассейну с мячиками, вытянул руку и бросил свой.

– Данк⁵, – и повернулся к удивленной Лере. – Все нормально.

– Тебе нравится баскетбол?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь все эти термины?

– Мой...

Ответить Вова не успел, потому что в комнату ввалилось еще несколько детей разных возрастов начиная с четырех и заканчивая шестью. Суматоха и галдеж сразу завладели вниманием Леры, и она помчалась встречать своих подопечных с мягкой и доброй улыбкой. Некоторые девочки смотрели на нее дружелюбно, другие – с неодобрением, словно она собиралась увести их парней. А они, к слову, только научились сопельки подтирать: в лучших случаях были скромными, но в худших – активными, общительными и откровенно сумасшедшими. За последними нужен был глаз да глаз: моргнешь, а они уже свалят папки с полки на свои бедовые головушки или залезут на подоконник, а может вообще начнут жевать игрушки и кидаться конструктором. Возможно, некоторые из них могли устроить и апокалипсис!

Характер шума неожиданно изменился: из общего галдежа в пронзительные крики во время поножовщины. Если бы

⁵ Данк или слэм-данк – вид забивания в баскетболе, при котором игрок выпрыгивает вверх и одной или двумя руками бросает мяч сквозь кольцо сверху вниз.

Лера не была уверена в том, что в комнате нет ни одного острого предмета, то отдала бы Богу душу еще до того, как обернулась. Девочки-близняшки, с которыми она играла в куклы, засмеялись и выдали что-то вроде «мама с папой де-нежку снова не поделили».

– Ты вообще себя видел? Да твоя мама – настоящая шл...

Отвратительное слово не успело слететь с детского языка, потому что Вова, растеряв всю свою сдержанность и горделивость, набросился на Даню. Мальчики повалились на разъехавшиеся коврики. Дрались, как озлобленные звери, готовые вспороть друг другу глотки. Столько злости и ярости было в их ударах, что Лера помедлила несколько мгновений, пораженная и испуганная. Откуда в них эта чистая ненависть? Когда она успела прорасти в такие юные души и невинные сердца?

– А ну-ка успокоились! – крикнула она, но едва ли кто-то послушал. Часть детей не обратила на драку внимание, но другая шумела и кричала еще громче. – Владимир, Даниил, вы меня слышите?!

Лера схватила Вову и оттащила от Дани, но тот боролся и царапался, будто ему уже было все равно, с кем драться и кому причинять боль.

– Я убью тебя, понял? – кричал он.

– Иди ты! – Даня поднялся и на пальцах продемонстрировал, куда Вове стоит пойти. – Ненормальный!

Несколько детей подхватили и забурчали: «Ненормаль-

ный, ненормальный, ненормальный».

Лера прижала к груди Вову так крепко, что несколько раз получила локтем по лицу. Несколько мгновений – он сдался и замер.

– Кто хочет посмотреть мультики? – предложила Лера и получила единодушный возглас радости. – Отлично! Сонь, возьми пульт и включи телевизор. У вас есть двадцать минут на любой мультик. Время пошло!

Телевизор – удивительная сила в борьбе с детским безумием. Александра Сергеевна запрещала им пользоваться часто, но иногда, при крайней необходимости, Лера все же прибегала к его помощи. Не зря же его называли «зомбоящик», гипнотизировал детей лучше любого настоящего гипноза.

Вова уселся в угол на стульчик – место для отбивания наказаний. Он словно выдохся, потерял всякий запал сопротивляться и возражать. От потускневшего взгляда становилось тоскливо на душе, как если бы свет, горящий в доме, вдруг погас.

– Владимир, – позвала она, опустившись на колени и заглянув в лицо мальчику, но тот никак не отреагировал. – Вова.

– Не зови меня так.

Лера хотела улыбнуться, но сдержалась.

– Хорошо, но ты должен мне сказать, почему ты ударил Даниила. Ты же знаешь, что драться – это плохо?

– Врать тоже.

– Ты прав, но если ты бьешь кого-то, то показываешь свою слабость и то, что больше тебе ответить лжецу нечем, – спокойно и медленно объяснила Лера, наблюдая за тем, как ее подопечный брезгливо морщится. – Почему ты разозлился?

Он пожал плечами.

– Вова, – позвала она и получила в ответ хмурый взгляд карих глаз, но из-за детской припухлости лица это выглядело мило и забавно. – Ты можешь мне рассказать, если дома тебя обижают.

– Никто меня не обижает!

Лера вздохнула и взглянула на развеселившегося и уже позабывшего о стычке Даню в окружении других ребят. На его бледном лице проступили первые синяки, и это значило, что кому-то сегодня влетит по полной программе, а еще то, что придется звонить родителям. Мысленно Лера уже представляла, как ищет номер телефона матери Даниила и отца Вовы, чтобы вызвать обоих, а потом слушает их ругань.

– Владимир, мне придется позвонить твоим родителям. Ты понимаешь, что поступил плохо?

Тот только пожал плечами.

– У тебя нет аллергии на сладости? – Когда мальчик отрицательно мотнул головой, Лера дала ему одну из тех конфет, которые носила на такой случай. Глаза Вовы заблестели, и он скромно улыбнулся, приняв сладость. – Ну все, посиди тут, а мне надо позвонить твоему отцу. Хорошо? Обещаешь мне быть тихим и послушным?

– Да.

– Врать – плохо, – напомнила она, когда поднялась.

– Я знаю, – с оскорбленным видом ответил он. – Я обещаю.

Лера не удержалась и взъерошила ему рыжие кудряшки, получив бурю негодования в свой адрес. Номер как-то слишком быстро выскочил в предложенные для звонка, но подумать об этом девушка не успела, потому что на том конце ответили:

– Какими судьбами?

– Добрый день, вам звонит педагог из центра «Улыбка», – начала Лера, игнорируя неуместное веселье в мужском голосе. Собеседника будто крайне позабавил ее звонок. – Сегодня с Владимиром произошла неприятная ситуация. Не могли бы вы приехать?

Секундная заминка.

– С ним все хорошо? – уже серьезнее спросил мужчина.

– Да, – Лера взглянула на мальчика в углу, который складывал и раскладывал фантик от конфеты, – но было бы замечательно, если бы вы приехали сейчас.

– Скоро буду, – и он отключился.

Впервые на ее памяти «скоро» случилось действительно очень скоро. Отцу Вовы понадобилось меньше получаса, чтобы приехать, и Лера не могла не восхититься его самоотверженностью и любовью к ребенку, раз он подорвался и примчался, стоило ей позвонить.

Она как раз сидела вместе с мальчиком и собирала пазлы, когда дверь в комнату отдыха отворилась так, что чуть не слетела с новых петель. Поправив сползающие по носу очки, Лера обернулась, но приветствие, готовое сорваться с губ, там и осталось, потому что на пороге стоял парень примерно ее возраста и при этом Вова был его маленькой копией с поправкой на возраст.

«Это же во сколько у него ребенок появился? В восемнадцать?» – растерянно подумала Лера, поднимаясь из-за столика.

– Женья! – воскликнул Вова и подорвался с места. Лера еще не видела его таким счастливым и добродушным, таким... ребенком. Он побежал к парню, и тот с улыбкой поднял его на руки. – Валерия Всеволодовна сказала, что позвонит родителям... Ты приехал за мной?

– Да, приехал, – мягко ответил он. – Мне твоя учительница сказала, что ты плохо себя ведешь.

– Не правда, – Вова насупился и стрельнул в Леру недобольный взгляд. – Она – врунья! Не верь ей, Женья!

– Неужели? А что скажете вы, Валерия?

Но Лера едва могла связать пару слов, тупо пялясь на появившегося рыжеволосого парня. Он был высоким и широкоплечим, как классическая картинка идеального баскетболиста, с длинными крепкими руками, сильными ногами и удивительной харизмой – последнее, правда, скорее ее личное наблюдение.

Спящая под воздействием спиртного память неожиданно оживилась и связала несколько оборванных ниточек, и Лера ошалело выдала:

– Это был ты!

– Поясните, пожалуйста, – с кривой улыбкой произнес он.

– Сегодня я проснулась в *твоей* кровати, – растерянно выдала она раньше, чем поняла, что вокруг много любопытных маленьких зверят. Благо мультики их интересовали больше разворачивающейся у дверей драмы. – Какого черта здесь происходит?!

Глава 3. Ты исполнишь мое желание?

Вчерашний вечер.

Какое-то время Лера просто смотрела на входную дверь ирландского бара «Лепрекон», расположенного в людном переулке, куда вытекала целая толпа напрямик из метро. Смотрела на желто-зеленую вывеску с улыбающимся толстопузым человечком: милые подрумяненные щечки, блестящие карие глаза и пышные рыжие волосы, скрытые под зеленым цилиндром. Благо, это место было рядом с домом Саббины, иначе она не захотела бы в такой час выползать на улицу.

– Открыто, – послышалось сбоку. – Они работают допоздна.

Лера повернулась и отупело уставилась на мужчину с большим носом и неаккуратной черной бородой. Он уже какое-то время стоял под окнами и курил, изредка бросая на Леру заинтересованные взгляды. Впрочем она действительно привлекала внимание в своем светоотражающем белом пуховике, с припухшим от слез лицом.

– Их слоган обещает, что после двенадцати появляются лепреконы, – сделав затяжку, Косматый выпустил целый клуб сизого дыма, через который его лицо странным образом искажалось или это ее зрение в полумраке совсем просело?

– И что они делают? – ее голос прозвучал тихо и сдавленно.

Косматый пожал плечами.

– Исполняют желания, наверное.

Сделав очередную затяжку, Косматый улыбнулся ей, но Лера только испуганно отвела взгляд и скрылась в баре. Рука еще побаливала после того, как Любитель Кактусов чуть не вывернул ее.

Стоило поехать домой, но сейчас не хотелось слушать расспросы мамы, терпеть обеспокоенный взгляд отца и даже слушать сарказм Евы – лучше провести остаток вечера с подругой и посмеяться над Лериной наивностью.

Звякнули колокольчики над входом. Теплый воздух, наполненный запахами хмеля, воска и пряностей, пробрался под пуховик, согрел щеки и нос. Лера стянула шапку и шарф, огляделась в поисках подруги. В «Лепреконе» всегда царил полумрак: за счет редких желтых светильников под старину создавалась иллюзия таверны из какого-нибудь фэнтези-романа. Очки запотели, мешая ей различать детали.

– Добрейший вечерок! – послышалось с бара. Лера нервно улыбнулась и кивнула бармену. – Что вам налить?

– Пока ничего. Подскажите, лучше не видели ли вы хмурю девушку примерно моего возраста, бледную как смерть и ругающуюся как сапожник?

У бармена было совсем юное лицо, словно он недавно переступил порог подросткового возраста и его внешность

только начала приобретать маскулинные черты. Он приветливо ей улыбнулся, задумчиво постучал пальцами по столу и потом неуверенно махнул в сторону алькова справа от барной стойки. Там мягкие теплые тени рассеивались благодаря электрической лампадке и свечению экрана телефона – тот отражался на сосредоточенном лице Сабины.

– Да, это она, – Лера поблагодарила парня и направилась к подруге.

Сабина выглядела так, словно только что выползла из кровати: мешковатая черная футболка со знаковой фразой про ведьм, свободные клетчатые штаны и полнейший хаос из темных волос – настоящее гнездо!

– Это полная жопа! – со стоном выдала Лера, рухнув напротив подруги в светло-коричневое кресло.

Сабина мельком взглянула на нее, оценила нанесенный ее психо-эмоциональному состоянию ущерб, поморщилась и произвела “самовыпел” в игре, чтобы вернуться в реальность. Отложив телефон, она потянулась к барной карте и спросила:

– Давай, расскажи мне, что в этот раз за одноклеточное тебе попало.

И она рассказала – эмоционально, чувственно и с обидой. С каждым словом в ней закипала злость на этого Любителя кактусов, на всех мужчин и в итоге – на саму себя. Лера не понимала, почему всегда происходит именно так. Все социальные сети, половина телеканалов и даже билбордов рас-

сказывают о любви, о том, что отношения и семья – это самое важное в жизни, а если этого у тебя нет, то с тобой точно что-то не так.

Никто не скажет, что дело в парнях с сайтов знакомств, которые не обучены элементарным правилам ведения диалога, с эмоциональным интеллектom как у зубочистки и которые безнадежно далеки от понятия «джентльмена» или хотя бы «воспитанного взрослого человека».

Лера снова и снова задавалась этими вопросами, но наткнулась на стену из тумана, не позволяющую понять их. Ведь они приходят на сайты знакомств (которые предназначены, внезапно, для знакомств), а потом играют в какие-то игры: «горячо-холодно», «кнут и пряник», «вокруг да около». Неужели нельзя относиться друг к другу как к живым людям, а не как к кускам мяса?

Когда Лера закончила пылкую речь, Сабина какое-то время просто молча моргала. Темные глаза были широко раскрыты от удивления: не так часто Лера на кого-то злилась в открытую. Обычно она старалась относиться ко всем с пониманием. Ее девизом по жизни было: «Будь добрее, ведь ты не знаешь, какую боль проживает другой человек». Когда Лера впервые услышала эту мысль в старом сериале «Скам», то долго думала о ее смысле и была поражена до глубины души, когда поняла, что она и ее проблемы – не особенные, и таких, как она, семь или уже восемь миллиардов.

– Это настоящий талант – находить таких отморожков, –

наконец, ответила Сабина. – Здесь без стакана не разберешься.

– Предлагаешь напиться? Решать проблемы алкоголем – плохая мысль.

– Кто-то меня убеждал, что фанатеет от плохих идей, – с улыбкой ответила она.

Лера подняла руки в знак капитуляции, а Сабина с любопытством указала на коктейль с мишками Гамми:

– Не могла бы ты заказать мне вот этот коктейль?

Хотелось улыбнуться и пошутить над своей суровой и обычно хмурой ведьмой, которая всегда – неважно, как сильно могла ошибиться Лера – была на ее стороне. Сколько бы она не спрашивала себя и мир, за что ей досталась такая преданная подруга, готовая приехать посреди ночи по одному ее звонку, ответа не находила. Выступить против тревожных и злых демонов Леры? Легко! Общаться с реальными людьми? Это уже что-то на сложном.

Улыбчивый бармен, казалось бы, был рад ее возвращению и активно кивал, пока оформлял в терминале заказ, а потом принялся мешать алкоголь, соки и лед. Лера наблюдала за его ловкими, быстрыми движениями. Он извлек откуда-то из-под стола глубокий бокал на тонкой ножке, оценил степень его чистоты и еще несколько секунд усердно протирал стекло. Затем с полки взял несколько бутылок. Сначала налил что-то в железный мерный стаканчик (так про себя это назвала Лера), потом в другой – сухое игристое вино... Мож-

но было вечно наблюдать за его работой, но бармен постоянно бросал на нее неловкие взгляды. Смущенная этим Лера отвернулась, чтобы не отвлекать его.

В зале сновала парочка официантов в зелено-коричневой униформе и с забавными мини-цилиндрами на головах. На балкончике галдели фанаты футбола, смотря повторы матчей. На окнах блестели глянцевые зазывающие надписи, а дальше, по улице все текла бесконечная толпа людей. Небольшой закоулок окружали многоэтажные дома – ощущение западни так и давило на затылок Леры, усиливая фоновую тревогу.

В попытке отвлечься от навязчивого беспокойства Лера увлеклась пересчитыванием деталей интерьера. Темно-зеленые стены с панелями из красного дерева, такие же резные столики и диваны, штук сто (или она преувеличивает?) ирландских флагов, плакаты с алкоголем и танцующими лепреконами. Около десятка декоративных бочек, играющие роль тематических стоек. Лере нравилось здесь: место ощущалось уютным, несмотря на уклон в сторону футбола.

– Прощу! – Лера успела так погрузиться в размеренную жизнь бара, что скрипучий голос бармена напугал ее. Она обернулась и встретила с той же приветливой улыбкой. – Ягодный шприц и Радужные мишки! Хорошего вам вечера, дамы.

– Спасибо, – неуверенно ответила она, забрав бокалы.

Глаза Сабины заблестели, когда перед ней вырос симпа-

тичный коктейль, на дне которого действительно плавали жевательные мишки. Взглянешь и не скажешь, что в нем алкоголя столько, что на завтра можно не проснуться.

– Сю-юда-а мишек! – воскликнула подруга и отпила. – Неплохо. На вкус почти как сок.

– Почему тебе все равно?

– О чем ты?

Лера вздохнула и качнула темно-красную жидкость в бокале. Она заказала Ягодный шприц только потому, что в нем должны были быть ягоды и ей думалось, что он должен быть сладким. На самом деле алкоголь не прельщал Леру: уж слишком часто она видела людей, сломавшихся под тяжестью своих страданий и нашедших покой на дне бокала. Они-то нашли, а их близкие получили только неприятности. Видимо, ее тело тоже разделяло подобное мировоззрение, потому что после нескольких глотков оно обычно отказывалось исправно функционировать в наказание за неправильный выбор.

– На парней, на то, что ты, возможно, умрешь в одиночестве и некому будет тебе подать стакан воды в старости. Тебя это не пугает? Ты еще и живешь одна! Вдруг что-то случится? Не знаю, ты споткнешься, разобьешь голову и... И некому будет тебе помочь!

– Боже, какой накал страстей. Хичкок отдыхает, – присвистнула подруга. – Ты снова преувеличиваешь масштаб проблемы, успокойся.

– Но разве не ужасно умереть в одиночестве?

– Спасибо, подруга, за плюс повод к депрессии, – Сабина фыркнула и присосалась к трубочке, глотая коктейль так, будто бармен Улыбака забыл ей водки подлить. – Во-первых, на парней мне не все равно, просто все они – виртуальные! Видела, какой мечник на этой недели вышел? Я выбила его, не раздумывая. У него не пресс, а каменная кладка!

У Леры жилка на шее дрогнула.

– Сегодня я не в настроении обсуждать твой цифровой гарем.

– Во-вторых, – продолжила подруга как ни в чем не бывало, – всегда существует вероятность, что умру я, например, от аневризмы сосуда головного мозга раньше, чем доживу до старости. Может, даже на работе! – последнее она добавила явно заметив желание Леры вернуться к вопросу об одиночестве.

– Ага, а теперь, доктор Хаус⁶, для простых смертных можно перевести?

Сабина улыбнулась, как дьяволица, которая, к слову, любила шпарить и на латыни для пушшего эффекта, поэтому Лера – *абсолютно* обосновано! – боялась за свою жизнь и понапрасну не злила подругу. Ведьма как она есть!

– От инсульта, короче. Он вообще-то молодеет.

– И я не хотела этого знать!

⁶ Главный герой американского телесериала «Доктор Хаус». Со слов режиссера, его прототипом был Шерлок Холмс.

Они рассмеялись. Смех помог расслабиться, отпустить сегодняшнюю ситуацию. Она уже не довлела над ней, но теневой отголосок все еще маячил где-то на периферии сознания, поэтому Лера сделала один большой глоток и тут же икнула из-за пузырьков. Поморщившись, она фыркнула и снова улыбнулась: коктейль не подвел, а Улыбака получил шанс, чтобы она запомнила его имя, но когда Лера повернулась к бару, там уже стоял другой парень. Видимо, смена предыдущего подошла к концу.

– И, наконец, в-третьих, – веселая от выпитого алкоголя, который неожиданно дал о себе знать, Сабина подняла палец вверх, – всегда можно стать неприлично богатой и нанять себе красивого дворецкого, который в старости принесет тебе не просто стакан воды, а дорогой виски. Как тебе идея? Лучше, чем всякие Васьки-Петьки с их прилипчивыми мамами.

– Звучит, как тост!

Лера не могла вспомнить, какой по счету в ее руке был бокал и с какого момента Сабина сделалась болтушкой-хотушкой. Время сползло с часовых стрелок и растворилось в цветных напитках, энергичной музыке и возгласах собравшихся вокруг барной стойки.

Не всем был по нраву новый бармен, парень, их ровесник, с неиссякаемыми идеями на то, как бы повеселее упиться вусмерть, но определенную публику он все же собрал, и

девчонки были в ее числе. Сейчас он раскладывал на баре цветные карты, на обратной стороне которых было написано множество невообразимо глупых заданий.

Кто-то сбоку играл в кости на выпивку, где-то начали танцевать, потому что ближе к ночи не просто появлялись лепреконы, а возрождался безумный дух ирландских танцев и веселья. Допоздна Лера с Сабиной никогда не задерживались, но сегодня выдался на редкость паршивый день, поэтому можно было немного развлечься.

– Цветочек выбирает карту! – зычно скомандовал бармен, как фокусник разведя руки в стороны и демонстрируя два ряда цветных рубашек. Этой ночью Леру звали Цветочком за ее цветастый джемпер. – Напоминаю правила, господа игроки! Тянем карту, выполняем задание: в рамках уголовного кодекса и десяти заповедей морали! – а кто не сможет, тот выпивает шот. Поверьте, много выпить вы не захотите.

У бармена была шаловливая, немного кошачья улыбка, и если бы Лера продолжала давать всем окружающим незнакомцам клички, то назвала бы его Чеширским котом. Впрочем сегодня вечером здесь были только ники, как в игре-симуляторе таверны.

– Не облажайся, – прошипела ей на ухо Сабина. – У меня после его шотов за баром теперь две лыбящиеся физиономии.

То ли свет так падал, то ли коктейль наконец постучал Лере по мозгам, но у бармена были жутко яркие голубо-зеле-

ные глаза.

«Если посветить в них фонариком, они вспыхнут?» – с игривым весельем подумалось ей.

Одна его непокладистая прядка скользнула по высокому лбу, уложенные гелем волосы рваными завитками стекали на затылок, открывая квадратное лицо с неожиданно запоминающимися ямочками на щеках.

Лера потянулась за картой, когда Сабина невнятно пробурчала:

– Пора заканчивать, теперь мне кажется, что это Дилан О’Обрайен. Сколько понадобится задонатить, чтобы его выбить?

– Вырубить можно одним точным справа, – подхватил какой-то мужик за ее спиной, явно далекий от игрового сленга.

– Насилие здесь запрещено, – тактично добавил Чеширский кот и точно невзначай кивнул в сторону глухой каморки за баром. На двери было лаконично написано «Охрана».

– Ведите себя прилично.

Сабина подергала Леру за цветной джемпер.

– Как думаешь, он больше похож на Стайлза⁷ или на Томаса⁸? – подруга прошептала это слишком громко, поэтому предмет ее восторга и сомнений точно все слышал.

– Меньше сериалы смотри, – со смехом ответила Лера, а Чеширский кот только загадочно заулыбался. – Итак, у ме-

⁷ Стайлз – второстепенный герой из сериала «Волчонок».

⁸ Томас – главный герой серии книг и фильмов «Бегущий в лабиринте».

ня... «Назовите имена пяти людей вокруг вас. За каждое не произнесенное получите наказание».

Участники радостно заулюлюкали. У всех, кого Лера видела, были рассеянные взгляды и откровенно пьяные лица. В другом состоянии ей было бы жутко и даже страшно находиться в обществе стольких незнакомцев, стольких мужчин, но сегодня ей безрассудно руководил алкоголь. Опасный друг на вечер и лучший пособник несчастным случаям!

– Сабина, – начала Лера, указав на подругу, которая сверлила бармена мрачным взглядом. К чести Чеширского кота, теперь он подливал ей только сок. – Артур.

Лера плохо запоминала имена, ей было проще давать людям забавные клички, чтобы сохранить их существование в памяти. Так она дала Артуру, с которым успела перекинуться парочкой фраз перед входом в бар, кличку Косматый за его длинные всклокоченные волосы и торчащую в разные стороны бороду. Он самодовольно хмыкнул и припал к бутылке пива. Несмотря на его неопрятность, на фоне остальных участников шумного действия Косматый вызывал в Лере меньше всего отторжения. Его совершенно не интересовали девочки-студентки, напившиеся вкусных коктейлей.

– Еще три, – напомнил Чеширский кот, загибая пальцы.

– Денис? – с сомнением спросила она его.

– Подглядывать нечестно, – Чеширский кот прикрыл ладонью бейджик на груди, но уже было поздно. – Ну, ладно. Еще два.

Оглядев собравшихся, Лера попыталась подобрать имена, опираясь на внешность, но потерпела неудачу, поэтому ей пришлось опрокинуть целых два шота – горьких, как уксус, кислых, как лимон. Передернуло всем телом, когда горло обожгло и в груди потеплело, словно там поселилось маленькое, но злое солнце. Лера схватила лимон с тарелки и сунула в рот.

Сабина снова дернула за джемпер, привлекая внимание. Выглядела она так себе: лицо бледнее обычного, несмотря на красные пятна на щеках и лбу; губы потрескались, глаза воспалились от недосыпа... Ее пошатнуло, как подрезанную марионетку – немного, и Сабина рухнет как подкошенная.

– Кажется, мне нехорошо, – прошептала она, рассеянно уставившись ей в ключицу. – Надо проблеваться.

– Спасибо за игру, – удивительно ровно выдала Лера и, расплатившись, вывела подругу на улицу, где бушевал февральский ветер. Он пробрался под пуховики и развеял марево перед глазами и туман в голове.

Предстояло завернуть за угол, углубиться во двор и первый подъезд – Сабинин. Подругу качало из стороны в сторону, она шумно и часто дышала, словно пыталась бороться с тошнотой.

– Нет, я больше не могу!

– Сабина!

Но подруга оттолкнула ее, споткнулась и опустилась на колени перед частично засыпанной снегом мусоркой. Лера

со вздохом подошла, наклонилась, чувствуя, как мир скачет перед глазами, и собрала волосы Сабины на макушке, пока ту крутило и выворачивало.

– Я больше никогда не буду пить, – между приступами прошептала она. – Мишки меня предали.

– В них была водка! Даже я знаю, что налегать на нее опасно.

– Отвали! – Сабину снова скрутило, поэтому Лере только и оставалось присесть рядом, положить голову на изогнутую спину и методично поглаживать ее. Бодрящий зимний воздух не давал сонливости победить, несмотря на потяжелевшие веки. – Лера-а...

– Что?

– Я забыла там телефон.

– Уверена?

Сабина только всхлипнула. Ее злая и опасная ведьма превратилась в разбитую беззубую фею, выброшенную из пустого горшочка лепрекона. Сама же Лера, обычно склонная к унынию и драматизации своей жизни, чувствовала себя удивительно легко и беззаботно – немного на грани безразличия, равнодушия. Нравилось ей это слово – *равнодушие*. Оно напоминало ей спокойную, могучую ровную гладь бесконечного океана ее души – тихо, невозмутимо.

– Пошли, я отведу тебя домой и вернусь за телефоном.

Телефон нашелся сразу же – Чеширский кот или, по-человечески, Денис отложил его под барную стойку, когда подру-

ги уползли восвояси и решил позвонить кому-нибудь завтра в случае, если хозяйки не объявятся. Лера вернула телефон несчастной Сабине, которая обняла его и завалилась спать.

Хотелось домой, в родную кровать, поэтому несмотря на привычку иногда ночевать у подруги, Лера решила позвонить отцу, чтобы он ее забрал.

«Надо, правда, протрезветь», – с этими мыслями она вышла из квартиры.

Дверь закрывалась на электронный замок, поэтому, хлопнув ее, Лера достала свой телефон. Пальцы покалывало, они заиндевели от холода, а экран так долго включался и менял приложения, что быстрее было дойти домой пешком. Очки запотели, как всегда после смены температуры, так что щелкая на ощупь, Лера искала номер отца: метро уже закрылось, на такси денег не было, а на папу всегда можно было положиться, он ей ни слова не скажет за поздний звонок и запах алкоголя.

Лера вывернула с лестницы в коридор второго этажа, и в нее кто-то врезался да с такой силой, что несчастный телефон вылетел из руки и хлопнулся на плитку пола, прокатился по нему к чужой двери. Она точно слышала треск экрана, а вместе с ним и ее собственного сердца.

– Ты совсем слепой?! – сорвалась Лера, с яростью повернувшись к виновнику происшествия. – Если он разбился, я тебя засужу, понял?

– Слепая здесь только ты, – огрызнулся мужчина с неприятно худым лицом, напоминающим скелет, который обтянули человеческой кожей. Глаза впали, вены вздулись на шее, и пахло от него чем-то склизким и гадким. – Разоралась тут! Самая смелая, да?

Ярость схлынула, сменившись холодящим страхом. Лера отступила к своему несчастному телефону, быстренько подобрала его, не сводя глаз с мужчины. К его дерганной манере добавлялась прохудившаяся, местами порванная куртка. Она выглядела так, словно он несколько раз зацепился за колючую изгородь или так, будто... на него набрасывались с ножом. Незнакомец уставился на нее, не моргая. Пронзительно-серые глаза выкорчевывали испуганное сердце из груди, пробирались мерзлыми мурашками под кожу. Лера отчетливо представляла, как тысячи тараканов копошатся у нее внутри.

– Че уставилась, курица? – это был не голос, а рык шакала. – Смеешься надо мной?

– Извините, мне пора, – дрогнувшим голосом выдала Лера, бегло глянув на лестницу за спиной незнакомца. Теперь к Сабине ей путь заказан, поэтому оставалось только бежать вниз и надеяться, что за поворотом ее не поджидает какой-нибудь Любитель кактусов с желанием отомстить ей. – Всего хорошего!

Лера бросилась вниз по лестнице, чувствуя, как зимние сапоги скользят по стертým ступеням. Невнятные крики раз-

дались за спиной. Как только за этот день ее не назвали, в чем только не обвинили, за что только не собирались наказать, но хуже всего было осознание, что сиплый голос становился ближе – пугающе быстро! Сердце ухнуло в пятки, когда на лестничном пролете Лера бросила взгляд наверх и увидела бешеный, затуманенный яростью и веществами взгляд. За ней погнался не человек, это был настоящий зверь, Шакал, – так его окрестила Лера. Он хотел разорвать ее на куски и выпить всю ее кровь, сожрать ее.

– Стой, гадюка! Я сверну тебе шею за все, что ты сделала!

«У него горячка? Психоз? – промелькнуло в голове, когда Лера чуть не соскочила со ступенек и не покатила кубарем до последнего этажа. – Не падай, только не падай!..»

Шуршащие, скрипучие звуки за спиной смешивались с руганью, кряхтением и настоящим воем бешеного зверя. Что бы ни случилось с Шакалом, что бы ни привело его в такое неадекватное состояние, он видел перед собой не юную студентку, перепуганную до смерти, а врага, предателя, грязь мира, от которой надо избавиться.

Разум заострился на одной простой мысли: «Беги!»

На резком повороте Лера подскользнулась, накренилась, но даже не взвизгнула – только вцепилась точно в воздух, одним животным ужасом подтянула себя и толкнула дальше. Тонкие крючковатые пальцы вцепились в длинный пуховик. Это произошло быстро, хаотично. Они потянули назад, как зыбучие пески.

Лера закричала, схватилась за обтесанный угол стены, но не удержалась – Шакал поймал ее, впился обломанными ногтями в мягкую ткань пуховика, издал булькающие звуки. Он хохотал, поняла Лера.

– Отпусти меня! – завизжала она, стараясь ударить локтем, пнуть в колено, но от страха движения были слабыми и никуда не попадали.

– Думала, бросишь меня и будешь жить со своим ублюдком? – Шакал быстро шептал ей в затылок, опаяля смрадным дыханием шею и уши. Лера чувствовала запах так, словно пила его. – Ничего-ничего... Есть справедливость в этом мире! Убью, убью... Тогда все хорошо будет, все наладится.

Лера развернулась и ударила кулаком с зажатым телефоном. Попала прямо в кривой нос. Шакал отшатнулся, заревел, схватившись за кровоточащий нос. Красные струйки отчетливо проступали на фоне болезненной сухой кожи, густо капали на битые плитки пола.

В каком-то тумане Лера выбежала из подъезда, прижалась к ледяной двери, когда та глухо ухнула от врезавшегося в нее человека. Шакал бился, не пытаясь отыскать кнопку – просто остервенело, отупело бился о железо, не осознавая происходящего, не отличая реальность от галлюцинаций. Его крики глушила дверь, но Лера слышала каждое слово, потому что прижалась к ней всем дрожащим телом, вцепилась в холодную ручку так, словно от нее зависела ее жизнь. Возможно, и зависела.

Сколько она так простояла, Лера не знала. Она держалась за дверь, вжимаясь в нее даже после того, как шум прекратился, а Шакал ушел в свою конуру, бросив попытки добраться до добычи.

В какой-то момент кто-то из живущих в доме попытался выйти: над оглушенной головой Леры раздался громогласный вой открывающейся двери, но она взвизгнула и толкнула ее, закрыв. Больше попыток неизвестный не предпринимал, явно решив, что по ту сторону какая-нибудь сумасшедшая.

Лера все стояла, стояла... пока оцепенение не сошло с нее, как волна с берега: сначала вернулся слух, потом ощущение холода и уже потом она отцепилась от двери, медленно отшагнула, спустилась на подгибающихся ногах по лестнице. Не опустилась, а упала на скамейку и не слушающимися, окоченевшими пальцами попыталась справиться с телефоном.

Лера видела, но не понимала, что она видит. Черные ботинки на фоне затоптанного снега перед подъездом Сабины – столько следов, что те сливались в бессмысленную мазню из грязи и снега. Смятые банки из-под энергетика припорошили редкие снежинки. Красные пальцы сжимали телефон в глупом радужном чехле с наклейками, уродливые трещинки разбежались паутиной от верхнего угла экрана – от места, куда пришелся весь удар от падения. Телефон подумал немного, но включился, и Лера набрала звонок.

Гудок. Один, второй, третий... Лера досчитала до восьми, когда на том конце ответили:

– Слушаю. – Девушка не узнала голос своего отца, но сейчас она вообще ничего вокруг не узнавала. Слышала, видела, но не понимала, что происходит. Разум то и дело выдавал ошибку. – Говорите. Который час?.. Три часа ночи. Какого черта?

Лера открыла рот, но слова не шли, зато шла волна. Цунами.

Собеседник помолчал и мрачно бросил:

– Я кладу трубку.

Истерика действовала как настоящее цунами. Она сначала смывала все от берега сознания, набирала силу где-то внутри, глубоко-глубоко, а потом возвращалась – ты видишь ее на горизонте, уже там она вырастала стремительно и пугающе. Только завидишь – бросишься бежать, но не убежишь – поздно. Она накрывает тебя целиком, все то, чем ты являешься – смывает, стирает, оставляя после себя одни лишь руины.

Лера разревелась.

– Чт... – собеседник явно отстранил телефон от лица и смачно выругался.

Однако Лера продолжала плакать, позволяя толстым, набухшим слезам скатываться по обмороженным щекам и покрасневшему подбородку. Она так сильно шмыгала носом, что в какой-то момент закашлялась и от этого разревелась

только сильнее.

– Что случилось? – голос прозвучал напряженно, но с участием. – Я могу как-то помочь?

– За... – Лера задохнулась, вздрогнув, когда шумный ветер ударил по железному карнизу и дребезжащий звук наполнил сумрак глухого двора. Собравшись с силами, она судорожно прошептала: – Забери меня.

Какое-то время ей отвечала только тишина и глухая мелодия незнакомой песни, а потом послышалось:

– Скажи адрес.

И она сказала.

– Понял. Скоро буду.

– Н-не отключайся! – Трясло уже так сильно, что телефон то и дело обещал снова выскользнуть из онемевших рук. Холод поселился внутри, окутал кровоточащее сердце и насыпал снега на воспаленную рану души. – Мне страшно.

Мгновение собеседник молчал, шурша чем-то.

– Расскажи, что вокруг тебя, – связь немного искажала его голос, но Лера подумала, что он приятно глубокий, низкий и теплый, как топленый шоколад.

– Снег.

– Ну да, зимой снег – это удивительное явление. – Собеседник отдалился, явно включив громкую связь. Продлилось это недолго, связь прыгнула, как если бы он надел наушники. – Найди что-нибудь *странное*. Расскажи об этом.

Лера замолчала, шмыгая носом. Она вытерла холодными

пальцами слипшиеся, побелевшие от инея ресницы, оглядела засыпанную снегом дорогу, холмики цветных машин, а потом подняла взгляд к многоэтажкам – ничего из этого не выглядело странным, не вписывающимся в пейзаж февральской ночи. Ничего, кроме...

– Я, – на выдохе сказала она, когда на той стороне хлопнула железная дверь, просигналила машина, приветствуя хозяина. Лера вспомнила их небольшую семейную машинку, которая с таким трудом и старанием пробиралась через сугробы и застревала в них чаще, чем довозила семейство до пункта назначения. – Я – самая странная вещь здесь.

– Почему?

Звуки заведенного мотора и шум колес по скрипучему снегу. Щелкнул поворотник, пиликнули фары...

Лера пожала плечами. Холодный воздух и пережитое потрясение частично отрезвили, но разум все еще плутал в потемках, мысли путались, а страх делал беспечной, вынуждал цепляться за безопасный островок надежды.

– Я никогда не вписываюсь, – ответила девушка. – Я не понимаю людей.

– Ну, в этом ты не одинока, – послышалось с того конца сети. – Нахрен этих людей!

– Хорошо звучит.

– Помогает лишний раз не загоняться из-за всяких придурков.

– Надо запомнить. – Лера помолчала и тихо спросила: –

А кто ты?

Скрипнули колеса, где-то вдали засигналили машины.

– Сегодня можешь считать меня исполнителем желаний.

– Вроде лепрекона с волшебным горшочком?

Собеседник хохотнул, и Лера чуть улыбнулась.

– Если тебе такое нравится, – ответил он, – побуду сегодня твоим лепреконом.

Это определенно был сладкий сон после жуткого кошмара. На утро она проснется и не вспомнит ни ирландских игр, ни оголодавшего шакала, ни лепрекона, исполняющего желания, – все сотрется, как стирается след от подошвы, припорошенный снегом.

Глава 4. Злодей

Настоящее.

Пришлось отвечать на множество вопросов Александры Сергеевны, родителей детей и терпеть их недовольные и суровые взгляды. Складывалось ощущение, что Лера самолично столкнула двух мальчишек лбами и заставила драться, но возмущаться она не имела права, потому что даже если виновником конфликта был Даня или Вова, получит в первую очередь она, ведь учитель или нянька отвечают за детей головой. Плевать всем, что она одна, а их пятнадцать и вокруг тысяча и один способ навредить себе!

Получив свою порцию негатива от мамочки Дани и выговор от начальницы, Лера сидела в коридоре на мягком диване темно-желтого цвета. Она отупело разглядывала знакомый интерьер со множеством плакатов, где были изображены счастливые семьи, дети и герои мультфильмов. Разглядывая их, Лера грызла заусенец – ее дурная привычка. При сильном беспокойстве, когда она не могла ничего исправить или предпринять и была вынуждена ждать, пальцы сами тянулись ко рту.

Лера пыталась восстановить воспоминания о прошлой ночи, как реставратор древнюю картину, и что-то даже получалось: в состоянии аффекта и под остаточным действием алкоголя она умудрилась позвонить одному из родителей под-

опечных. Неужели Лера настолько была не в себе, что не заметила странностей? По всей видимости, так оно и случилось.

Дверь в кабинет начальницы открылась и на пороге появилась разгневанная визгливая мама Дани с ним под ручку. Она бросила на Леру испепеляющий взгляд и поспешила прочь. Не удивительно, что сын у нее такой нервный и злословный. Но за последние сутки произошло столько, что очередная обиженная на жизнь личность не вызвала в сердце Леры никаких чувств, а вот когда в коридор вышел Евгений Рыжевский, молодой папочка Владимира Рыжевского, все ее чувства вздыбились, как кошка при виде собаки.

Лера открыла было рот, но, не зная, что сказать, закрыла.

– Спасибо, что позвонили мне, – спокойно произнес Евгений. – Нам не нужны неприятности с другими родителями.

– Это моя работа, – дежурно ответила Лера, выпрямившись.

Евгений обладал яркой внешностью из-за своих огненно-рыжих кудрей, то и дело задорно спадающих на широкий лоб, выбритые виски и затылок, а также из-за россыпи веснушек на прямом носу, выразительном подбородке и даже на контуре губ. Раньше Лере не доводилось общаться так близко с парнями *такой* внешности. Внешности, которая привлекает всеобщее внимание, особенно женское.

За последний год она успела пообщаться с невероятным числом парней: были объективно некрасивые, но харизма-

тичные, были милые и похожие на плюшевых мишек, были те, которые напоминали ей криво собранные фигурки лего, даже встречались симпатичные и привлекательные, поэтому Лера совершенно точно могла сказать, что Евгений Рыжевский – член высшей лиги. Парни с такой внешностью обычно коллекционируют разбитые женские сердца.

Кусая губу, Лера поднялась с дивана. Столько противоречивых чувств она никогда не испытывала: начиная от волнения, заканчивая приглушенной злостью.

– Не знаю, говорила ли вам Александра Сергеевна, но в последнее время Владимир сторонится остальных детей и ввязывается в ссоры, – начала она с нейтральной темы, которая и привела парня сюда. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями и придумать, как узнать о вчерашнем. – Это может быть вызвано... напряженными отношениями в семье.

Евгений вздохнул, потрепал Вову по голове, бросив тихо «маленький партизан». Когда он взглянул на Леру, та оборотительно скрестила перед собой руки, ощущая исходящую от этого человека опасность из-за его роста и физической силы. Несмотря на теплые тона внешности и притягательные карие глаза, которые созданы были для того, чтобы располагать к себе людей, выражение лица у него оставалось сдержанным, на грани отталкивающего безразличия, а голос звучал ровно:

– Да, об этом мы тоже говорили. Можно сказать, сейчас у

нас непростые времена, но спасибо за участие.

Лера кивнула и вдруг выпалила:

– А что насчет *вчерашнего*?

– А *что* насчет вчерашнего?

– Зачем ты... вы... Да черт! – Лера нервно вздохнула, встряхнув руками и потом подперев бок. Евгений удивленно приподнял бровь и скосил взгляд на Вову, который заинтересованно пялился на них. – Зачем вы ответили на мой звонок, приехали... Чего вы хотели добиться?

Вот так, в лоб и сразу в атаку! Лера ощущала себя маленькой, беззащитной и униженной, но вместе с этим разум ей твердил, что никто, кроме нее самой, не виноват в ее состоянии. Не стоило вчера напиваться, звонить незнакомцу и уж тем более ехать к нему домой, но ведь она была разбита, сильно расстроена и пьяна, а он вполне себе трезв и явно отдавал себе отчет, поэтому пусть и отвечает!

Евгений моргнул, а потом попросил Вову подождать его в комнате отдыха. Мальчик насупился, но спорить не стал, и когда он исчез за дверью, напряжение только возросло.

– Ладно, давай для начала перейдем на «ты». Мы все-таки ровестники, – начал он и предложил Лере присесть на диван, но та упрямо осталась стоять. – Что ж, хорошо. Лера, правильно?

Она кивнула, снова скрестив перед собой руки.

– Ты предпочла бы остаться глубокой ночью на улице в ожидании прихода очередного шакала?

– Что?

Евгений чуть улыбнулся, и жуткая маска спокойного безразличия разлетелась как льдинка об асфальт. Некоторые люди умели улыбаться так, что освещали своими улыбками всю комнату и согревали душу. Теперь понятно, почему он держал суровую мину – чтобы люди не умерли от сердечного приступа, потому что у Леры определенно случился микроинфаркт. Что там говорила Сабина? Он молодеет? Или то было про инсульт...

– Ты была крайне словоохотлива между приступами рыданий и просьб рассказать тебе сказку.

– Ты прикалываешься! – сорвавшимся голосом выдала Лера. Ее точно по голове ударили, кровь прилила к лицу. – Я не могла тебя об этом просить. Мне не пять лет!

Он пожал плечами, сунув руки в карманы черных джинсов. В контраст своей яркой от природы внешности Евгений носил исключительно черную одежду: темная дубленка, свитер и ботинки. Осколок умирающего солнца перед мраком ночи.

– Правда, что ли? В таком случае откуда мне знать, что твоя любимая диснеевская принцесса – это Рапунцель? – с каждым новым словом в ответ на ее откровенно шоковое и смущенно-раздраженное состояние его голос становился все живее и веселее. Вот бы вдарить ему, да только она не дотянется. Придется извиниться перед начальницей и встать на диван, чтобы не промахнуться... – А все потому, что она

справилась со своими страхами и достигла мечты, увидела огоньки и как бонус встретила свою истинную любовь! Я не мог все это выдумать, правда?

– Д-да... Да пошел ты, придурок!

Всякое желание выяснять правду покинуло ее вместе с присущим ей гуманизмом. Лера собралась было развернуться и уйти, наверное, в туалет, чтобы вдоволь поплакать, но Евгений обогнул ее и перегородил путь.

– И это все?

– В смысле? Пусти! – Она шагнула в сторону, но и тут он подоспел вовремя. – Да что тебе нужно?

– Кое-чем ты и правда похожа на Рапунцель, – проникновенно произнес Евгений, склонив голову так, что несколько кудряшек упала ему на глаза. Было в его лице еще кое-что, оно напоминало ей тень от солнца. Чем ярче светило, тем больше тайн скрывалось в его тени. – Обе – любительницы забирать то, что вам не принадлежит.

– Неправда! Я оставила твою дурацкую награду у подъезда, – отчеканила Лера, сжимая кулаки. У нее уже шея затекла смотреть на него снизу вверх. – Неужели ты решил надо мной поиздеваться только из-за какой-то железяки?

Он пожал плечами.

– Считай, злить окружающих – мое хобби.

– Сумасшедший!

– Здоровых не бывает. – Евгений наклонился к ней, и Лера отпрянула. – Знаешь, как ты меня вчера назвала? Какую

кличку дала?

Лера поежилась и мельком огляделась, но в коридоре никого не было. Зато были камеры, поэтому ей точно ничего не грозило, но тревожные мысли уже пиروвали на ужасных сценариях возможного будущего, где вопреки всем законам морали и логики ей сворачивают шею. У этого парня такие широкие ладони, что он вполне мог одной обхватить ее и – конец!

– Психопат? – напряженно ответила она.

– Лепрекон, который исполняет желания. – Евгений провёл ладонью по рыжим волосам. – Наверное, из-за них. Не знаю точно. В любом случае я пообещал исполнить твоё желание, поэтому и приехал.

– Между нами что-то было вчера? – её затошнило, когда вопрос слетел с губ.

Мир перед глазами поплыл, расплющиваясь и сужаясь. В висках болезненно застучало так, словно таблетка перестала действовать и последствия похмелья снова нагнали её. Сердце зачастило в груди, неприятно подгоняя ком к горлу. Ещё немного и она или упадет в обморок, или уйдет, или... убьет этого гада.

– Какой злой взгляд, – присвистнул Евгений. – Злость открывает истинную сторону человека, золотко. Злость и страх.

– В психоаналитики заделался?

– Нет, я просто исполняю часть нашего уговора, который

мы вчера заключили, – ответил он. – Ты сказала, что хочешь стать главной героиней! Почему бы и нет? Но знаешь, что есть в истории любой героини?

Лера поджала губы, чувствуя себя ужасно. Что же вчера она учудила?

Евгений наклонился к ней, и Лера ощутила сладковатый запах дурманящей клубники с облепихой. Так же пахла его кровать, в которой она сегодня проснулась.

Его голос прозвучал раздражающе мягко, тепло дыхания коснулась щеки:

– *Злодей.*

Лера задохнулась, вскинув на него взгляд.

– Ты хочешь стать моим врагом? – ошалело уточнила она, когда Евгений выпрямился и отшагнул, явно намереваясь оставить ее в беспорядке собственных чувств. – Зачем? Кто ты вообще такой?

– «Пусть стараются, пусть пытаются, кто у меня золото украдет, тот и раскается»⁹, – цитировал он неизвестный Лере фильм, скорее всего фильм ужасов, потому что звучало и выглядело это жутко. – А ты сегодня украла мое золото. Надо соответствовать образу, разве нет?

– Тебя в детстве головой вниз не роняли?

– Ты забавная, когда злишься, – с усмешкой ответил Евгений, отворачиваясь. – Надеюсь, твоя история подарит мне вдохновение, золотко. Я позвоню тебе, и если хочешь полу-

⁹ Слова злого лепрекона (Лубдана) из серии фильмов ужасов «Лепрекон».

читать ответ на свой вопрос, советую взять трубку.

– Да пошел ты к черту, психопат!

Не оборачиваясь, он махнул ей рукой и исчез за дверью, оставив Леру стоять одну в пустом коридоре с пугающим вопросом: какой, во имя всех святых, она успела заключить уговор?

Не с самим ли дьяволом?

– А этот лепреккон сейчас с нами в одной комнате?

– Сабина, я тебя сейчас ударю!

– В таком случае я подам на тебя в суд за нанесение побоев по статье 116 УК РФ, – с явным удовольствием съязвила Сабина, откидываясь на спинку игрового стула и с наслаждением хлебая подслащенный черный чай, потому что он «лучше всего помогает при тошноте». – Но если откинуть лирику, Лера, повтори еще раз, а то отравленные этиловым спиртом мои нейронные связи в мозгу отказываются осмыслить рассказанную тобой историю и признать ее реальностью, а не приступом делирия¹⁰.

– Вызывай ментов, потому что я собираюсь тебя бить.

Вознамерившись воплотить свою угрозу в жизнь, Лера подскочила с кровати вооруженная подушкой. Ее разрывало

¹⁰ Острое, внезапно возникающее помрачение сознания, сопровождающееся спутанностью мышления, сильными галлюцинациями (часто зрительными), дезориентацией во времени и пространстве, а также двигательным возбуждением и эмоциональными нарушениями, возникающее из-за соматических заболеваний, интоксикаций или травм.

от злости, страха и стыда за все произошедшее, а подруга отказывается ей посочувствовать, разделить хлеб ненависти и презрения к Евгению Рыжевскому, который недвусмысленно дал ей понять, что а) между ними что-то было и б) *поэтому* они теперь враги. Впрочем, развернувшаяся в коридоре сцена с трудом укладывалась в рамки логики, поэтому не удивительно, что Сабина смеялась и язвила. Она с трудом понимала чужие чувства и с еще большим трудом сочувствовала, когда ситуация выглядела абсурдно.

Именно так она и выглядела!

– *Agnosco veteris vestigia flammae*¹¹! – скороговоркой выдала Сабина раньше, чем подушка нашла ее бледное лицо.

Лера отпрянула, прижав к разгоряченной груди подушку, и воскликнула:

– Надеюсь, это было заклинание из «Гарри Поттера», ведьма чертова! Мне и без того хватает неприятностей!

– Ведьма Чертова, – со смехом отозвалась Сабина, отставив кружку с чаем подальше от клавиатуры. Ее глаза блестящие, несмотря на то, что подруга недавно выглядела так, словно восстала из мертвых. И как она только умудрилась отмазать ее перед матерью? – Звучит круто. Надо обновить никнейм в игре, чтобы Салем прекратил доставать меня, как мартовский кот. Еще немного и точно начнет ссать по углам. Знаешь, именно поэтому я приверженец кастрации: и боля-

¹¹ *Agnosco veteris vestigia flammae* – Узнаю следы прежнего огня. Латинская крылатая фраза, впервые встречающаяся в поэме Вергилия «Энеида».

чек меньше, и углы чище.

– Какая ты противная. – Лера плюхнулась на мягкую кровать, которую Сабина не успела или не смогла заправить из-за похмелья.

В остальном вечно пребывающая в полумраке комната выглядела опрятно до педантизма. Такие любители чистоты, как ее подруга, честно говоря, пугали Леру. Не удивительно, что у Психопата была такая же идеальная чистота. Возможно, где-нибудь под ванной у него припрятано несколько литров высококонцентрированного отбеливателя или кислоты.

Леру передернуло от мыслей о нем.

– Находить отморозков – это определенно твоя суперсила, – заключила подруга.

– А я рассчитывала на пирокинез. Какая досада.

– Ага, скажи еще, что между парами и сменой в детском центре ты топишь котят и страдаешь энурезом¹², чтобы я заполнила твою психиатрическую карту прежде, чем кто-нибудь пострадает.

– Ты в курсе, что треугольник Макдональда – полнейшее фуфло?

– Если быть точным, то он не носит *определяющий* характер, – важно заметила Сабина, явно зная, как на Леру действуют ее приступы беспочвенного мудрствования. – Ладно-ладно, не смотри на меня так, а то даже мое ледяное сердце растает. Вернемся к твоему Лепрекону, которому ты вче-

¹² Непроизвольное мочеиспускание, чаще ночью во сне.

ра позвонила в пьяном бреду, попросила забрать, а потом у тебя случилась антероградная амнезия¹³ и мы не знаем, спала ты с ним или нет и почему он вдруг объявил тебе войну.

– А еще он отец Вовы.

– Жесть, – со свистом отозвалась Сабина и покрутилась на стуле вокруг своей оси. Аниме-персонаж смотрел на них с экрана компьютера своими яркими глазищами. Световые пятна падали на узкое лицо подруги, стирая всякие человеческие чувства. – Вляпалась ты по самое не хочу.

– И что мне теперь делать?

– Ну, технически ты можешь ощутить тянущую боль в нижней части живота, – рассуждала Сабина. – Это в случае, если у вас был секс.

– Фу, Сабина!

– Но это не всегда так работает, – закончила Сабина. – В любом случае, думаю, ты накручиваешь себя.

Лера вздохнула.

– Как считаешь, он все это серьезно? – спросила подруга.

– Не знаю, – тихо отозвалась Лера и упала на кровать, поджав колени. – Но я не могу перестать думать о том, что могло бы быть. Вдруг я подписала какую-то бумажку и теперь должна отдать свою почку?

Сабина смерила ее взглядом, явно говорящим, что она все еще сомневается в ее психическом здоровье.

¹³ Потеря способности формировать новые воспоминания после травмы или болезни, при этом старая память сохраняется.

– Или, не знаю, нас видела его жена и теперь он злится, потому что я испортила их отношения? – она продолжала наваливать беспокоящие ее варианты событий.

– А у него было кольцо?

– Вроде нет, но кто знает? Не все мужья носят кольца да и гражданский брак никто не отменял.

– Гражданский брак – это союз, зарегистрированный государственными органами.

– Открой форточку, пока я не задохнулась.

– Называй вещи своими именами, и я не буду душнить.

– Хорошо, – скривившись, бросила Лера, – я в полнейшей жопе! Так подойдет?

– Не паникуй. Никто еще не умер.

– Еще! – со стоном повторила Лера и закрыла глаза, сжимая в руках подушку. – Мама меня убьет, если узнает, что я стала разлучницей или просто переспала с парнем и не помню этого...

Сабина откинула голову на спинку стула, поджала колени к груди и прикрыла глаза, позволяя инерции мерно раскручивать стул. Цветастая подсветка мягко сменялась, не раздражая восприятие и не провоцируя новую головную боль. Как говорится, и без похмелья есть поводы помучиться мигренью.

– Что-то тут не сходится, – заключила она. – Есть три варианта. Первый: ты ему понравилась и он, как придурок, решил подергать тебя за косички.

– Ага, мимо.

– Второй вариант ко всему, что ты уже перечислила: ты ему что-то вчера обещала и не выполнила обещание, а он разозлился и решил попортить тебе кровь.

– Фу, как мелко.

– А ты что думала? Люди делают гадости именно из-за всяких своих мелких комплексов.

– А третий вариант?

Сабина открыла глаза, разглядывая светло-серый потолок, на котором рождались узоры созвездий и галактик благодаря специальной лампе. Цвета красиво переливались, завораживали и успокаивали.

– Ему что-то от тебя надо, – ответила она. – Как ты сказала? Вернет вдохновение? Вдохновение... Подожди! – Сабина вдруг выпрямилась, спустив ноги на пол и повернувшись к компьютеру. – Стоп, не может такого быть. Это скорее всего совпадение, но... Говоришь, его зовут Евгений Рыжевский?

– Да, а что?

Темные волосы подруги взметнулись, точно перья взъерошенной птицы, когда Сабина ловко пробежалась пальцами по выпуклым кнопкам мигающей клавиатуры и пролистала несколько папок с фотографиями в стоке. Белый свет браузерных страниц высветлял и без того болезненное лицо подруги.

Лера подобралась к столу, оперлась рядом, наблюдая за ее

действиями. Что же такого поняла Сабина? На душе было беспокойно: вряд ли это обернется для Леры хорошей новостью. В последнее время она, точно проклятая, наступала то на одни грабли, то на другие – каждые били так, что обещали расколоть ей череп.

– И как он связан с мужем моей начальницы? – осторожно попыталась уточнить Лера, но Сабина уже увлеклась поиском, поэтому проигнорировала ее.

На экране появилась статья из какого-то электронного журнала с киберновостями. Сабина листала ее так быстро, что Лера ничего не успевала прочитать. Прокрутка, прокрутка – фотография худощавого мужчины старше пятидесяти. У него было скуластое лицо и серьезный, пронзающий до костей взгляд. Знакомое ощущение загнанности сковало тело. Она видела его раньше.

– Это Алексей Рублев? – уточнила Лера.

– Я точно где-то видела это имя, – бурчала себе под нос подруга, прокручивая ленту статьи. До нее теперь не достучаться. – Что-то про редизайн новой игры или вроде того... Новая команда, новая игра... А, точно! Новая игра! Ну-ка.

Перейдя по ссылке на новость про разработку полномасштабной сюжетной игры, Сабина пролистала ее до конца, пока не нашла список разработчиков, тестируемых, дизайнеров и других работяг, задействованных в этом огромном проекте. Никто не удостоился фотографий, потому что эти люди были всего лишь винтиками в системе большого меха-

низма по созданию денег.

– А вот и наш Лепрекон! – горделиво заявила Сабина, выведив курсором знакомое им имя напротив пункта «Гемедизайнер», а потом его же под пунктом «Концепт-художник». – Все дороги ведут в видеоигры. Они, Лера, объединяют людей из разных слоев общества.

– Ты же не хочешь сказать, что он на столько чокнутый, что решил использовать меня для возвращения себе вдохновения? – между слов прокрался нервный смешок. То ли смеяться, то ли плакать. – И почему именно я?

– Возможно, он не просто чокнутый, но и отчаявшийся. – Сабина откинулась на спинку кресла и взяла в руки кружку с чаем. – Я слышала, что все творческие люди так или иначе относятся к F-регистру.

– А по-человечески?

Подруга взглянула на нее и улыбнулась, как настоящая ведьма.

– *Особенные*, короче. Нечего было искать психушку, она сама тебя нашла.

Лера страдальчески взвыла, опускаясь на корточки и роняя лицо в ладони.

– Да почему опять я?

Сабина помолчала, а потом меланхолично произнесла:

– Наверное, потому что ты никого не оставляешь равнодушной.

Глава 5. Цифровое ведьмовство

Лера ушла домой раньше, чем обычно, потому что ее мама оборвала телефон. Гиперопекающие родители – это что-то на сказочном, но вместе с тем и на кошмарном, поэтому Сабина не могла решить, хотелось бы ей так же или нет. В ее случае единственный родитель, которому было до нее дело, уже десять лет гниет в могиле, потому что всякие слабохарактерные ублюдки любят шататься по подъездам в поисках легкой добычи. Сколько бы лет ни прошло, как много бы книг про наркоманов и прочих зависимых людей она ни прочитала, ей никогда не найти в себе сострадания и прощения. Понимание работы психики – да, милосердия – никогда. Пусть горят в аду!

И так каждый раз.

– Вот же дьявол, – выругалась Сабина, возвращаясь в комнату и оглядывая беспорядок на кровати. Раньше, чем она это осознала, ее руки уже принялись заправлять постель. – Каждый раз одно и то же. Сколько можно? Лера же не виновата, что у нее такая семья.

Сегодня утром ей на телефон пришло ровно шесть звонков и на седьмой Сабина разлепила глаза, чтобы ответить звонившему, куда ему катиться и сколько раз удариться головой о ступени, однако проклятия так и не сорвались с языка – это была мама Леры. Она плакала и просила най-

ти дочь. Всякий похмельный сон как рукой сняло, и Сабина выдала ложь как самую искреннюю правду на свете:

– Боже, мне так жаль! Галина Михайловна, вчера мы с Лерой засиделись допоздна из-за моих конспектов для отработок. Если бы не она, меня бы уже сто раз выперли с медицинского, – задним числом Сабина всегда удивлялась тому, как легко врать другим и не чувствовать вины. – Мне так стыдно, что я заставила Леру остаться у меня.

– Да-да, она такая у меня умница, – пробормотала эсеница. – Значит, Лера с тобой?

– Конечно, а где ей еще быть? – со смешком ответила Сабина, уставившись на свободную сторону кровати у стены, где почетное место занимал заяц, подарок Леры. Обычно она спала у стены, потому что так чувствовала себя в безопасности. – Не беспокойтесь. Позвоните ей через пару часов, она обязательно вам ответит.

– Хорошо, спасибо, дорогая, – мягко ответила она. – Учись хорошо. Нам нужны умелые врачи, а то в последнее время одни шарлатаны и эти, инфацыгане всякие.

– Конечно.

Потом какое-то время Сабина бессмысленно смотрела в потолок, собирая себя по кусочкам после бурной ночи. Подобные мероприятия всегда высасывали досуха и потом ей жизненно необходимо было неделю посидеть в тишине своей комнаты, однако учеба в медицинском такой возможности не оставляла: каждый прогул – плюс к дополнительной

работе под соусом унижения.

Решив, что надо позвонить Лере и узнать, где она пропадает, Сабина заснула и проснулась только далеко после обеда, когда подруга сама явилась к ней и настойчиво долбила в дверь. У нее было непривычно бледное перепуганное лицо, а еще Лера откуда-то достала кусок железки и озиралась так, будто в любой момент из-за угла выскочит монстр. Несмотря на то, что Лера была той еще трусихой, она удивительно собиралась в стрессовых и действительно опасных ситуациях – становилась решительной и настоящей героиней без плаща.

– Тебе надо переехать, – не здороваясь, заявила подруга.

– Ага, сегодня же, – ответила Сабина, и вопрос себя исчерпал.

Заправив постель, Сабина удовлетворенно кивнула: чистота снаружи – чистота внутри. Ей не нравилось заикливаться на негативных мыслях, но тем нравилась она сама. Если бы не вечно смеющаяся, веселая и креативная на идеи Лера, Сабина давно погрязла бы в омуте своего злостно депрессивного нрава. Про таких говорят, что у них стакан наполовину пуст, потому что какой-то негодяй выпил их воду.

– Пропылесосить, что ли? – тихо произнесла она и взялась за дело.

Мерный шум пылесоса заполнил небольшое пространство студии, где что не поворот – то ушибленный мизинец, но Сабина уже привыкла маневрировать между стульями, столом и кроватью. Она любила убираться, потому что чаще

все это помогало отвлечься, но иногда, как сейчас, однообразие шума создавало идеальную почву для неприятных размышлений. Сначала перед ней был паркетный пол, а потом уже ровное безучастное лицо матери, которая решила, что дочь достаточно взрослая для подробностей смерти ее отца. Так и взрослеют в двенадцать.

– Наверное, ей было тяжело справиться с этим в одиночку, – предположила до тошноты понимающая Лера, когда Сабина в последний раз злилась из-за матери, которая прислала ей открытку и деньги на День рождения. Эта злость была такой сильной, выворачивающей и кислой, точно от обиды, поэтому она наговорила всякого и об отце тоже не преминула припомнить. О том, что мать не должна была ей рассказывать. – Думаешь, лучше было бы, если бы она соврала тебе? Сказала, что он просто бросил вас?

Этого Сабина не знала. Она очень любила отца и даже представить не могла, что тот мог бы ее бросить. В отличие от матери.

Но она не знала, как было бы лучше.

– Ей плевать на мои чувства, – был ее ответ тогда.

Лера никогда не лезла никому в душу, потому что сама не любила откровенничать. Она почему-то считала свои проблемы и страхи глупостями, не достойными внимания. Ей всегда было стыдно за то, какая она. «Слишком шумная, неказистая и скучная» – говорила подруга, и Сабина не могла ее переубедить. В такие моменты хотелось сказать, что

если бы Лера видела себя ее глазами, то перестала бы так к себе относиться. Таких ярких, добрых и теплых людей она никогда еще не встречала. Настоящая свеча во мраке чужих жизней.

Сабина раздраженно пнула пылесос и попала по боковой кнопке, из-за чего старенький бедолага заглох. Она чувствовала себя изломанной куклой, которую склеили, но через трещины продолжала течь жидкость. Интересно какая? Слезы или кровь?

Запихнув пылесос в шкаф, захлопнув дверцу, она вернулась за рабочий стол, натянула наушники и включила игровой чат. Создатели любимой игры выкатили отдельное приложение для того, чтобы игроки могли общаться и вне самой игры. Сабина не так часто делилась своим ID, но за время геймерской жизни завела несколько виртуальных друзей, которые помогали ей забыться и по-настоящему отключиться от паршивой реальности. От себя.

Биты выбранной песни ритмично били по ушам, проникали куда-то в черепную коробку и изгоняли мрачные и навязчивые мысли. Неохотно они сдавались и отступали под отупляющую громкость и качающий ритм, под который так и хочется покачивать ногой, но Сабина забралась на стул по-турецки и просматривала сообщения от виртуальных друзей. Когда Сэм Тиннез вошел в раж и буквально вбил в мозг заползающие в душу строчки припева песни «Bloodshot»¹⁴, ее

¹⁴ I take all of the fear in waves
Suffocating in cellophane
Somebody put me away
Put

окончательно отпустило.

Черно-серый интерфейс чата мерцал перед глазами, пока Сабина смотрела на аватарку черного кота с сигаретой и ником «Салем». После последней катки она успешно игнорировала надоедливую тиммейта, но теперь пора было заключить перемирие ради подруги и выяснить, что за черт этот новый психованный парень, упавший на голову Леры. Если бы Сабина могла справиться со своим ужасным ступором, в который впадала каждый раз, когда оказывалась в потенциально опасной ситуации, она бы кувалдой переломала этому придурку ноги.

– Впрочем, он не стоит моей свободы, – проворчала Сабина, касаясь кончиками пальцев прохладных клавиш. – Наведу порчу на понос. Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Салем: так и будешь меня игнорить, ведьма?

Салем: надеюсь, ты не планируешь мое убийство?

Салем: хорошо, что ты не знаешь моего настоящего имени. Я тебя боюсь

Салем: нашел в гр мем. Смотри

Салем: \тыкаю палкой\ ну ты чего? Давай сыграем сегодня 2x2?

Сабина закатила глаза и лайкнула картинку. Мем и правда смешной, но этого мало, чтобы она простила ему их проигрыш и потерю игрового рейтинга.

– Придумок, – фыркнула она.

Сабрина: ты можешь узнать про одного человека, который работает у вас концепт-художником?

Пользователь не в сети.

Скосив взгляд на часы в правом углу экрана, Сабина вздохнула. Шесть вечера, суббота. У Салема вечером по субботам работа, одна из миллиона, на которых он прозябает. Одной мысли об этом хватило, чтобы Сабина устало вздохнула и свернула чат, чтобы зайти в поисковик. Надо выяснить все, что можно об этом Лепреконе, пока он не навредил Лере.

Официальный сайт компании «Constellation» был выполнен в темно-фиолетовых тонах под стать переводу названия. Сделано это с заботой к своим игрокам, которые в большинстве своем сидят в полумраке и смотрят в горящий экран – хороший маркетинговый ход. Сабина просмотрела все возможные вкладки, но ничего не нашла, а потому решила просто вбить в поиске «Евгений Рыжевский», надеясь на удачу, и, пролистав несколько страниц, она нашла веб-сайт художника с его работами. Стильная, выполненная в минимализме черно-оранжевых тонов страница рассказывала о талантливом человеке.

– Ну, рисовать ты умеешь, – заключила Сабина. – Ого, так это ты придумал концепт моего мечника? Вот же засранец!

Улыбка сама появилась на лице при виде нарисованного мужчины с огромным мощным... мечом! Ничего Сабина не

могла с собой поделаться – нравились ей цифровые героини больше, чем реальные люди. Но даже умелые руки и чувство вкуса не дает Евгению Рыжевскому права изгаляться над ее подругой, и если Лера ощущает себя в опасности и его поведение вынуждает ее тревожиться, этого достаточно, чтобы добавить парня в черный список.

Телефон вздрогнул, сообщив о пришедшем уведомлении.

Сабина постучала пальцем по темному экрану – тот загорелся. На блокировке стоял арт любимого персонажа из игры, а с недавних пор им был мечник. Поверх его смазливой физиономии всплыло сообщение от матери, и лицо девушки скривилось.

Родительница: Привет, дочь. Жду тебя на своем юбилее. Подарки не дари, сэкономь. Можешь взять Леру. Ниже пришлю адрес и время. Пока.

Сама написала, поговорила и отключилась. Мать в своем репертуаре. Она никогда не была склонна к эмоциональным проявлениям заботы и волнений, всегда больше напоминала говорящий кусок железа – ничего ее не трогало, не могло задеть. Именно поэтому теория Леры не могла оправдаться. Даже смерть отца, ее мужа, едва ли как-то отразилась на поведении матери. Она продолжила работать, ездить в командировки, а потом открыла свое агентство по рекламе и пиару. Иногда Сабине казалось, что чужая смерть стала просто очередной ступенькой на вершину, куда всю жизнь так стремилась ее мать. Карьеристка до мозга костей.

Сабина не стала отвечать на сообщение и вернулась к изучению веб-сайта. Под нарисованной аватаркой, на которой был изображен аниме-персонаж с взрывом на макаронной фабрике вместо рыжих волос, был короткий статус «Да, это я и что?», а под ним ссылка на тг-канал. Один клик перебрал ее в чат, где дублировались арты, но между ними иногда встречались текстовые сообщения – короткие, достаточно лаконичные и без лишних украшений в виде стикеров и прочих безделушек для постов. Даже реакции были отключены.

– Какой ты скучный, – со вздохом произнесла Сабина. – Но сто тысяч считают иначе.

Пост от 6.02.25. «Пока без изменений. Работа не хочет работать сама».

Пост от 20.01.25. «Получил ТЗ на историю новой игры в фэнтези-сеттинге. Надо накидать черновик легенды и наброски героев до конца месяца. У меня скоро голова вскипит от всех требований».

Пиликнуло уведомление – Салем написал.

Салем: пу-пу-пу... мне пора ставить свечку за упокой?

Салем: кого ищем?

«Ищем», – со смешком повторила Сабина. Написал так, будто это какая-то проектная работа.

Сабрина: ты не на работе?

Салем: на работе. Вот везу 10кг воды по всей видимости в африку

Сабрина: пон

Сабрина: мне нужно знать все про Евгения Рыжневского.

Сабина с улыбкой откинулась на спинку стула, полная неожиданно вспыхнувшего любопытства. И правда, та еще проектная работа!

Глава 6. Эти ваши семейные ужины

Лера долго стояла перед дверью и размышляла над тем, как скоро она умрет от переохлаждения, если останется жить на улице. Видеть маму совершенно не хотелось, а присутствовать на традиционном семейном ужине тем более. Он проходил по субботам и каждый раз по одному и тому же сценарию: взаимные улыбки и комплименты, обсуждения успехов в учебе и планов на будущее, а потом – личной жизни Леры. Последнее выматывало больше всего. Мама была непреклонна в своем убеждении, что вся проблема исключительно во взглядах дочери, а не в том, что попадаются ей одни идиоты да психопаты.

«Да-да, мистер Лепреккон, я о тебе», – мрачно подумала Лера и вошла в квартиру.

Тепло накинuloсь на нее так же стремительно, как и подбежавший золотистый пес. Финик не спрашивал ее мнения: встал на задние лапы и облизнул большим языком щеки и подбородок. Радостно виляя хвостом, он побежал на кухню, из которой доносился соблазнительный запах жаркого и вареной картошки с зеленью. Из предложенных перспектив: почесать животик или выпросить мясо, – Финик сделал очевидный выбор не в пользу Леры.

– А вот и гулена! – мамин голос встревожил сердце. – Ну-ка подойди сюда!

Тяжело вздохнув, Лера вошла на кухню и оглядела царящий беспорядок. Ее мама не просто готовила – она творила, а потому в процессе ее окружал творческий хаос. Грязная посуда в раковине строилась в несколько башенок, из мусорного ведра, стоящего на табуретке, пыталась сбежать картофельная кожура, а на голубом фартуке улыбалась мордашка из пятен от жира. Стремление к хаосу – единственная черта, которая объединяла дочь и мать, а в остальном они разительно отличались. Однако мама всеми силами старалась приручить свою натуру и мучила этим Леру.

– Не хочешь мне ничего рассказать? – не оборачиваясь, спросила она.

– Нет, – Лера улыбалась, глядя на Финика, елозившего на полу и сметающего пыль хвостом. – Тебе помочь?

Мама обернулась, вытерев руки о фартук. Теперь на нем появились мазки теста, которое она старательно месила в кастрюльке.

– Если скажешь, что была у мальчика и попросила Сабину прикрыть тебя, я не стану ругаться.

Так близко к правде она еще никогда не была.

– Мы просто много выпили и я проспала, – тихо ответила Лера. Ее выворачивало от мысли о том, что слова мамы могут оказаться правдой в самом неприятном смысле и она даже об этом не узнает. – У нас сегодня будет кто-то еще?

Зачем так много еды?

Промелькнувшее разочарование сменилось воодушевлением, и мама горделиво подперла бок. Глаза заблестели, лицо засветилось, точно она выиграла награду или утерла нос какой-нибудь своей завистливой подружке.

– И правда праздник, Лер! Евочка приведет своего друга, ну, ты понимаешь. – Мама подмигнула, сморщила нос от удовольствия и отвернулась, не заметив, как посерело лицо старшей дочери и как от напряжения дернулись ее пальцы. – Старшая школа все-таки! Уже пора! Я так беспокоилась, что и она будет... – слова «как ты» повисли в воздухе, несмотря на продолжение: – Одна! Когда-нибудь нас не станет, и я хотела бы, чтобы к тому моменту мои дети завели свои семьи и не были одиноки.

Знакомая монодрама началась неожиданно, но поехала по все тем же рельсам, поэтому Лера негромко соглашалась, не вслушиваясь в слова. Мысли уплыли в сторону сестры, которая, как будто почувствовав тему разговора, выползла в люди. Выглядела сонной, но успела причесаться и накраситься. Ева бросила невнятное «Прив», открыла холодильник и, поморщившись, закрыла его.

– А мы как раз о твоём друге говорили, дорогая, – с улыбкой сказала мама, любуясь дочерью. – Какая ты у меня красивая, Ева. Настоящая принцесса!

– Ага, – Ева оглядела готовящуюся еду и снова поморщилась. – Ты же сделаешь что-нибудь диетическое? Я не могу

все это есть.

Лера молча удалилась в комнату, потеряв всякий интерес к выдуманному проблемам сестры и пустым восхвалениям мамы.

Взяла новые джинсы, набор для вышивки и забралась на кровать. Из телефонного динамика заиграла спокойная мелодия, пока Лера вышивала на ткани звезды и цветы в чудном узоре. Цветные мазки толстых ниток складывались в красочный рисунок и поднимали настроение, отвлекая от плохих мыслей и такого же плохого дня.

Время стремительно близилось к вечеру, и когда в дверь позвонили и послышались голоса: радостный – мамин и более сдержанный, почти безразличия – сестринский. Лера очнулась от наваждения, сотканного цветастыми нитками. Перед ней лежала новая работа: темно-синие джинсы, расширенные узором по всей длине правой штанины. Сфотографировала получившийся результат и выложила на страницу в блоге: «Немного новой работы, пока я отправляюсь на бой под названием „Семейный ужин“».

– Один вечер и свобода на неделю! – с этими словами она встала и вышла из комнаты.

Парня Евы звали как-то заурядно, но Лера забыла его имя практически сразу, а потому привычно прилепила к его тощей физиономии кличку.

«Шпала звучит подходяще», – подумала она, разглядывая

парня.

Он – высокий, худой до неприличия, с заметной родиной на носу и маленькими серыми глазами, и одет был в хорошую, очевидно дорогую одежду: синее поло, плотные черные джинсы и большие часы на кожаном ремешке. Он неплохо вписывался в идеальную картинку их семьи: папа надел новую рубашку и побрился, мама красовалась блестящими сережками, а Ева была просто Евой. Сколько Лера помнила ее, сестра всегда наряжалась как на королевский выход, подбирала наряды долгие часы, претенциозно выводила ровные стрелки и с огромной любовью укладывала свои длинные рыжеватые локоны. На самом деле в свете лампочек их небольшой гостиной ее обычно яркие прядки выглядели тускло и безжизненно, как и все накрахмаленное пудрой лицо. Ей было всего шестнадцать, но выглядела она намного старше, даже старше Леры.

– Слегка волнительно, – признался Шпала. – Не уверен, что знаю, как себя вести.

– Чувствуй себя как дома, – с улыбкой ответила мама, накладывая в тарелки жаркое.

Шпала вел себя учтиво, много улыбался и поддерживал настроение мамы. Он смог завлечь в разговор даже молчаливого папу, который обычно держался в стороне от всех семейных распрей и пересудов.

Рядом со своим парнем и без того миниатюрная Ева выглядела хрупкой и крошечной – настоящая куколка с полки.

Вплетенные в косички маленькие розовые бантики в цвет шифоновой блузки завершали милый образ сестры. Смотря на нее, так и хотелось сказать: «Как очаровательно!» А потом захлебнуться сахарной ватой.

– И как вы познакомились? – Лера смотрела на сестру, которая поджимала губы и тарасилась на свою тарелку, как на врага. Она очень мало ела, поэтому выглядела, как спичка. – Учитесь вместе или встретились в какой-нибудь компании?

– Ага, мы одноклассники, – сухо ответила Ева. – Мам, я же просила сварить курицу! Теперь мне что, пить одну воду?

– Брось, дорогая, от одной тарелочки ничего не будет.

– Ты выглядишь чудесно, – совершенно очарованный ею добавил Шпала.

Ева только горько хмыкнула и в итоге ничего не съела.

Мама активно допрашивала Шпалу о том, кто он и какая у него семья, какие планы на будущее и так далее по списку. Ева отмалчивалась, изредка поглядывая на него и сдержанно улыбаясь, словно его слова смешили ее, но она старалась сдержаться. Папа так же, как и Лера, предпочитал молча есть, поглядывая в телефон и явно изучая ленты новостей – его любимое тревожное хобби, из-за которого у него определенно прибавилось седых волосков.

– Это чудесно! – заключила мама. – Вот бы и Лера, наконец, нашла себе кого-то. Понимаю, что время сейчас непростое, но разве могут все вокруг быть плохими, верно?

Вкусное жаркое сделалось бумажным.

– Думаю, все дело в завышенных требованиях, – продолжала мама. – Что с этих мужчин взять? Без нас они в этом мире не выживут, такая уж наша непростая доля. Реальный мир, Лера, отличается от романов. Да-да, скорее всего дело в них. Придумала себе какой-нибудь нереалистичный образ идеального принца, а таких не существует, понимаешь? «Стерпится – слюбится» придумали не дураки.

– Мам, давай не будем это обсуждать, – со вздохом попросила Лера. – Сегодня на пьедестале Ева, вот пусть там и остается.

– Здесь много места, – кривая усмешка Евы легко могла вывести любого из себя. – Время тикает, Лера. У тебя уже морщины появляются. Не пробовала кремом пользоваться?

Лера резко встала, скрипнув стулом.

– Я... я наелась, спасибо!

– Лера!

Но она уже заперлась в своей комнате, чувствуя, как сердце бьется в ушах, а жар стыда окутывает тело. Дрожь пробиралась из глубины разбитого сердца, шумные мысли наслаивались и застилали собой реальный мир, делая его нестабильным, темным и плоским. Жар выжигал кислород, мешал вдохнуть полной грудью, а жуткая пустота, в которую сливались сильные чувства, ширилась и обещала поглотить ее – и пусть, так будет легче. Легче ничего не чувствовать: ни обиды, ни злости, ни стыда, ни боли. У нее было все: семья, друзья, работа и перспективы в жизни, – но отчего-то в такие

полные звона в ушах и страхов в душе моменты разум остро ощущал свою никчемность, неуместность и одиночество.

«Со мной что-то не так!» – набатом звучало внутри.

В комнату постучались, но Лера не слышала стук, зато раздраженный голос сестры пробил брешь в давящей на нее бетонной стене:

– Тебе звонят. Откроешь или мне самой ответить этому «Евгению Алексеевичу, отцу Вовы»?

Лера заставила себя встать, больно ударила себя по щекам, и сознание прояснилось. Дрожь отступила, страх загнулся о физическую боль и отпрянул.

– Скажешь маме, и я расскажу о том, что ты любишь блевать после еды, – зло процедила она, стоило увидеть смазливое лицо Евы. Ее отцовские карие глаза расширились, полные нескрываемой обиды, словно Лера предала ее. Обхохочешься! – Вали к своему дружку.

– Вся проблема в тебе! – рыкнула она и ушла в гостиную, откуда доносились приглушенные голоса.

Лера закрыла дверь и оперлась о нее лбом.

Экран телефона светился в полумраке комнаты, белые буквы на темном фоне ясно рассказывали о человеке, который решил поздним вечером потешить себя и помучить ее. Хотелось сбросить звонок и заблокировать абонента, но ей вдруг стало все равно и даже больше – она хотела, чтобы эта ситуация развивалась, множилась, искажалась и, наконец, сожрала ее целиком. Чтобы она исчезла.

– Психопат, – вместо приветствия произнесла Лера и услышала смешок.

– Золотко, я тоже рад тебя слышать, – ответил он. – Поболтаем?

– Ты для этого звонишь? Хочешь рассказать мне правду?

– Может быть. Давай встретимся, а то мне скучно.

– Прошло всего несколько часов с нашей встречи. Уже соскучился?

– Не могу устоять перед тем, кто смотрит на меня с кровавым желанием набить лицо, – рассмеялся Психопат, которого иначе и не обзовешь. У Леры язык не поворачивался назвать его по имени. – Или твои семейные посиделки слишком увлекли тебя? Поверь, у меня есть, чем тебя удивить.

Лера пораженно уставилась на экран, где отсчитывалось время разговора. Всего пара минут, а он уже угрожает или пытается манипулировать, а еще...

– Ты нашел мой блог? Так ты еще и сталкер чертов!

– Сколько бы кличек ты мне не давала, это не изменит того, что произошло между нами, – произнес он, чем-то шурша на заднем фоне. Пиликнула машина. – Итак, куда мне подъехать?

– Психопатам я адреса не раздаю, приезжай на площадь у центра «Мир». Буду минут через двадцать.

– Не опаздывай, золотко. Ненавижу ждать, – и он отключился.

Центральная площадь была припорошена снегом, который каждый день старательно убирали. Серые монолитные камни под тонким скрипучим слоем мерцали, как в пыльце. Огромное пространство площади, окруженной деревьями, всегда будоражило Леру, заставляло ее замирать и впитывать просторы, осознание размеров города, в котором она живет. Вокруг нее множество каменных скамеек, ограждения для черных изогнутых деревьев, выключенные фонтаны с подсветкой, а впереди, по центру, возвышалась стелла в виде непонятных белых башен, устремленных в черное небо – все было таким же, как вчера, в прошлом месяце и даже до ее рождения, но оставалось по-прежнему невероятным.

Свет фонарей наполнял мир и из-за снега рассеивался свечением. Дымка, туман. Вселенная вокруг – выдуманная, нарисованная расстроенным и беспокойным разумом. Черты картины проступали, нарастали и становились отчетливее с каждым новым шагом. Лера остановилась, когда увидела его. У подножья стелы расхаживал, меряя пространство шагами, высокий парень с яркими рыжими волосами. Его рост, наверное, был где-то под два метра или около того, а потому даже на большом расстоянии Лера ощутила, как ноет шея и подрагивают колени. В отличие от сестры она была достаточно высокой девушкой, поэтому ей было непривычно чувствовать себя маленькой и беззащитной.

Психопат остановился, повернулся и явно увидел причину своего недовольства, ведь Лера опоздала. Специально.

– Я стою тут уже пятнадцать минут, – мрачно заметил он, оглядывая ее с головы до пят. – Милый прикид. В твоем гардеробе есть что-то черное?

– Со вчерашнего дня есть ты.

Уголок его губ дрогнул.

– Язва.

– Так и будем обмениваться любезностями? – Лера оглядела его так же, как и он ее. Все черное. Все, кроме волос, веснушек на лице и бледной кожи. Такая яркая, теплая внешность не подходила этому жуткому человеку. – У нас есть пара часов до закрытия. Мне нужно кое-что купить, пошли.

– Сразу видно, что отношения у тебя с родственничками так себе, – заключил Психопат, когда они направились через площадь в огромный сверкающий вывесками и окнами торговый центр. – Приказываешь, хмуришься и глаза красные от слез – все понятно.

– На тебя без слез не взглянешь, знаешь ли.

– Язва икс два.

Лера нырнула в сегмент крутящихся дверей и с облегчением окунулась в тепло магазина. Стянула шапку, шарф и запихала все в свой любимый рюкзак, который чуть не стал жертвой пьяной ночи. Подумав об этом, она повернулась к своему спутнику, который со скукой оглядывал окружение и то и дело проверял время на часах.

– У тебя дела? Зачем тогда позвонил?

– Надо как-то убить время, – сухо ответил он. – После сегодняшнего у меня будут проблемы, так что давай не будем это обсуждать.

– Какая прелесть, – скривилась Лера. – И почему я должна слушать тебя? Вот меня ты слушать не хочешь.

– У тебя нет выбора, золотко, – улыбался Психопат невероятно, просто ослепительно, так и хотелось пялиться на этот правильный изгиб губ. – У меня есть много интересных фоток, которые в любой момент могут отправиться в родительский чат. Как думаешь, какая тебя ждет расправа от ревнивых мамочек, если те узнают, что воспиталка их детей соблазняет чужих мужей.

Пораженная этой несусветной глупостью и неприкрытой угрозой Лера остановилась, мешая проходящим мимо покупателям. Она повернулась и уставилась на него так, словно увидела трехголовое чудище. Красивое, соблазнительное и крайне вкусно пахнущее, но такое чудовище, что даже поцелуй его не исправит.

«Поцелуй? – внутренний гадкий голосок усмехнулся. – Драсьте, приехали».

– Честно признаться, я даже не знаю, с чего начать! – воскликнула Лера, взметнув руками. – Ты... Ты просто невыносимый, знаешь? Во-первых, если тебе что-то нужно, ты не пробовал просто, ну, типа попросить, а не угрожать людям? Прикинь, они могут просто взять и... Вау! Согласиться!

– А могут и не согласиться, – пожимая плечами, париро-

вал он. – К чему тратить время на уговоры, когда преимущество явно на твоей стороне.

– А во-вторых, психопат гребаный, – ее голос перешел на писк от переизбытка эмоций, – никого я не соблазняла! Скорее... Уверена, единственный из нас, кто достоин общественного порицания, это ты.

– Мне не привыкать, так что пусть порицают, – Психопат оглядел огибающую их толпу людей. Хмурые взгляды то и дело обращались к ним, ведь они решили выяснить отношения в самом проходимом месте коридора. – Не вижу причин унижаться и оправдывать свои поступки, которые кем-то считаются неправильными и плохими. Считаешь так? Пожалуйста. Я прекрасно знаю, кто я такой, что делаю и – чего уж скрывать? – на что могу пойти ради своих желаний.

Психопат сделал шаг к ней, но Лера спешно отступила, закриком ощущая сокращающуюся дистанцию. Мурашки крутили нервы, пока она старалась держать голову высоко и скрывать нервное возбуждение, страх и необъяснимый дух противоречия, охвативший ее.

– И сегодня, а может даже завтра, послезавтра и вполне может статься, что оставшуюся жизнь я хочу тебя мучить и смотреть, сможешь ли ты выбраться из этой башни, добьешься ли своего или останешься взаперти.

С каждым новым шагом они сдвигались правее, вызывая у проходящих мимо женщин возмущения, у подростков смешки и свист, а у мужчин неприятные переглядывания и

улыбочки. Ощущение безопасности в людных местах вроде магазинов оказалось иллюзией, и тем она осознавалась яснее, чем острее виделся контраст. Вокруг множество людей, и каждый видит: что-то происходит, что-то странное, – но никто не вмешивается. Никогда.

Лера уперлась спиной в каменный угол стены, как в чертовом романе, который недавно читала. Она никогда бы не подумала, что такое возможно в реальной жизни и уж тем более никогда не поверила бы, что окажется безвольной овцой, покорно идущей на съедение волку. Внутри все застыло, замерло в ожидании... чего-то. Хотелось бежать, толкнуть парня или напомнить ему, что она не игрушка в достижении его целей, не развлечение, но заставить себя, победить это странное оцепенение не получалось. Жуткое, подавляющее оцепенение.

– Боишься меня? – спросил Психопат, остановившись в полушаге от нее. – Растопырила глазища так, будто ждешь, что я сверну тебе шею.

Держал он руки в карманах черной куртки с маленькой эмблемой бренда на груди, выглядел обманчиво расслабленно, но его прямой немигающий взгляд пугал, напоминал, что перед ней настоящий хищник и все его слова вполне могли оказаться правдой.

– Извините, у вас все в порядке? – послышалось сбоку.

Лера мельком глянула на подошедшую пару, парня и девушку, явно их ровесников. Блондинка с двумя толстыми ко-

сичками хмурилась, держала парня под руку и оглядывала их лица, точно изучала, а темноволосый парень добродушно улыбался, не сводя взгляда с Психопата и взяв его за локоть, точно готов был дернуть подальше от Леры. Он проигрывал ему и в росте, и в комплекции, но явно обладал девятью жизнями, раз решил вмешаться в чужие отношения.

Страх за чужие жизни возобладал над ней, и Лера вспомнила, как говорить и двигаться.

– Все прекрасно! Мы просто разговаривали.

– Правда? – тихо произнесла девушка, скептически приподняв бровь и оглядев Психопата, на что тот только хмыкнул и скинул чужую руку. – Будьте осторожны, а то у кого-нибудь может сложиться впечатление, что вы угрожаете девушке, находящейся в слабой позиции, чтобы самоутвердиться и контролировать ее, ведь сами привыкли, что иначе люди не станут вас слушать и уж тем более оставаться с вами.

Мгновение тишины звенело таким напряжением, что Лера уже мысленно поставила свечки за упокой этой смелой и, очевидно, такой же неприятной в общении, как Сабина, девушке.

– Да, возможно, вы и правы, – медленно произнес Психопат и оперся плечом о стену рядом с Лерой, словно позволяя ей сбежать. – Но лезть в чужую голову опасно для собственной.

Темноволосый парень едва заметно заслонил свою подругу и с улыбкой кивнул Лере:

– Бросай этого придурка.

– Иди уже куда шел, – буркнул Психопат, мрачней с каждой прошедшей секундой.

Парочка переглянулась и, пожелав Лере удачи, удалилась.

Хотелось одновременно расплакаться и рассмеяться: жуткое кровопролитие, нарисованное разумом, прошло мимо и вместо него явило чудо примирение.

– Значит, ты и правда боишься, – спокойно заключил Психопат, напомнив о себе.

– Вообще-то кто угодно испугается, если на него напирать с таким вот жутким выражением лица, вроде «я убиваю младенцев по вечерам и ты будешь следующим», – затараторила Лера в приступе нахлынувшего облегчения. Мрак развеялся, жуткие тени покинули фигуру и лицо парня, вернув ему реалистичные, знакомые черты. – Ты во-он какой, я во-от какая. Габариты-то чувствуй!

Лера взмахнула рукой, показывая пальцами соотношения их размеров. Незнакомое чувство собственной миниатюрности, «маленькости» так сильно по ней било, что она не могла понять, нравится ей это или нет.

– Детей я уж точно не обижаю, и это тебе известно лучше многих, – буркнул Психопат.

Лера скрестила руки и отвела взгляд. Мысли о четырехлетнем мальчишке смущали ее примерно так же, как и туманные воспоминания о пьяной ночи.

– Так ты собираешься уйти или нет?

Она подняла на него взгляд и с удивлением заметила нервное ожидание, хмурость и сильное напряжение во всей его позе. Психопат не смотрел на нее, вместо этого изучал плоский потолок от второго этажа. Свет от магазинчиков рисовал на нем резкие грани.

– Если я уйду, то что?

– Ну, ты не знаешь, что было той ночью, – загибая пальцы, ответил он. – А еще я солью фотки в чат.

– Какие фотки?

Психопат снова улыбнулся своей фирменной, раздражающей улыбкой, которая одновременно пугала и очаровывала.

– Смотри, какая красота, – с этими словами он показал ей фотографию на телефоне, смазанную и темную, но явно запечатлевшую их двоих. – Ты совсем не умеешь целоваться, золотко.

Сердце упало в пятки, холодок сковал пальцы, но Лера вдруг бросилась на Психопата, желая отобрать телефон, удалить фото или просто разбить о кафель этот никчемный кусок железа и пластика! Стало жарко, душно в толстом пуховике, даже в собственном теле.

– Ты!.. Да я засужу тебя, Психопат! – крикнула она, схватив его за руку, и попыталась дотянуться до телефона. – Отдай! Удали этот кошмар! Я не помню этого, значит ничего не было и... Боже, никого я не соблазнила! Боже, фу!

– Не знаю, оскорбиться мне или посмеяться, – с улыбкой произнес Психопат, поднимая руку выше и прокручивая те-

лефон, точно приманку. – Будешь кричать, нас и без твоих усилий заберут в обезьянник. Ну-ну, золотко, все не так уж и плохо. Ты сама этого хотела, а кто я такой, чтобы отказывать?

Лера собиралась ударить его, но Психопат ловко избежал ее ноги и только посмеялся над этой попыткой.

– Ладно, поиграли и хватит. У меня для тебя простое предложение, и если все получится, я удалю все фотки и буду таков.

– Фотки?! Их что, несколько?!

Люди оборачивались, перешептывались и удивленно переглядывались. На горизонте замаячили мужчины в черном, охранники торгового центра. Видимо, спор привлек ненужное внимание или та парочка решила доложить о странностях некоторых личностей, поэтому Психопат схватил Леру за руку и поволок по широким коридорам на эскалатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.